

Павел Буланже

Жизнь и учение Конфуция

Павел Александрович Буланже

Жизнь и учение Конфуция

«Прежде чем начать перевод священных книг китайцев, является чрезвычайно необходимым сделать довольно большое отступление.

Вообще говоря, мы не избалованы исследованиями о жизни восточно-азиатских, африканских, полинезийских народов. Те несколько сочинений путешественников, купцов, военных, которые мы имеем, большей частью трактуют обо всех внешних явлениях жизни народа, которые бывают доступны беглому обзору путешественника и не касаются внутренней жизни страны, ее духовной культуры. Последняя обыкновенно остается чуждой и непонятной им, да и не мудрено: чтобы понять ее, надо войти в духовные интересы народа, надо жить ими, проникнуться ими, надо хотя бы несколько отрешиться от своего мировоззрения, а в особенности от того кичливого мировоззрения, с которым так привык относиться европеец к народам другой, чем он, расы...»

Содержание

Введение	0006
Жизнь Конфуция Составлена по Леггу	0053
Предки Конфуция	0053
От рождения Конфуция до занятия им первой общественной должности (551–531 годы до н. э.)	0057
Начало трудов Конфуция как учителя. Смерть его матери (530–526 годы до н. э.)	0061
Конфуций изучает музыку, посещает двор Чжоу и возвращается в Лу (526–517 годы до н. э.)	0063
Конфуций удаляется в Ци и возвращается снова в Лу в следующем году (516–515 годы до н. э.)	0072
Конфуций находится без должности в Лу (515–501 годы до н. э.)	0078
Конфуций занимает должность (500–490 годы до н. э.)	0082
Конфуций скитается по государствам (496–483 годы до н. э.)	0092
От возвращения Конфуция в Лу до его смерти (483–478 годы до н. э.)	0107
Заключение	0116
Изложение китайского учения Конфуция Львом Николаевичем Толстым	0118

Общие примечания к Великой книге и Учению о середине	0126
Да-сюэ, или Великая наука Конфуция	0141
Первая священная книга китайцев	
Предисловие к комментариям Да-сюэ китайского ученого Чжу Си	0142
Предисловие ученого Цзэн-цзы	0151
Великая наука	0152
Комментарии Цзэн-цзы к книге «Великая наука»	0156
Чжун-Ю. О неизменных законах духовной жизни, или учение о неизменяемости в состоянии середины Составлена Цзы Сы, внуком и учеником Кун-цзы	0177
Предисловие философа Чэна	0177
Чжун-ю	0179

Павел Буланже

Жизнь и учение Конфуция

Введение

Прежде чем начать перевод священных книг китайцев, является чрезвычайно необходимым сделать довольно большое отступление.

Вообще говоря, мы не избалованы исследованиями о жизни восточно-азиатских, африканских, полинезийских народов. Те несколько сочинений путешественников, купцов, военных, которые мы имеем, большей частью трактуют обо всех внешних явлениях жизни народа, которые бывают доступны беглому обзору путешественника и не касаются внутренней жизни страны, ее духовной культуры. Последняя обыкновенно остается чуждой и непонятной им, да и не мудрено: чтобы понять ее, надо войти в духовные интересы народа, надо жить ими, проникнуться ими, надо хотя бы несколько отрешиться от своего мировоззрения, а в особенности от того кичливого мировоззрения, с которым так привык относиться европеец к народам другой, чем он, расы. Но обыкновенно этого не случается, и чуждый нам народ делается извест-

ным и характерным для нас только своею внешностью. Мы запечатлеваем чудесные пагоды, странную для нас архитектуру, отсутствие или присутствие идолов, длинные косы у мужчин, маленькие ноги у женщин и т. п. Мы знаем, что китайцы, например, исповедуют конфуцианскую, даосскую и буддийскую религии, и вполне удовлетворяемся этим. Мы даже имеем переводы на своих европейских языках их священных книг, но и к ним относимся большей частью как к чему-то курьезному, часто детскому или некультурному лепету находящегося на низшей ступени развития народа. Мы знаем, что нет нигде лучшей культуры, лучшей науки, лучшей религии, чем у нас, и потому нам и в голову не приходит, что те принципы жизни других народов, которыми они живут, могут быть несколько не ниже тех, которыми мы живем.

Как это ни странно, но мы не останавливаемся на исследовании религиозной жизни народа, к исследованию жизни народа мы применяем другие, выработанные «наукой» нашей методы. Правда, в них входит и рассмотрение религии народа, но с особой точки

зрения.

Исследованы обряды, церемонии, идолы, а дух религии, то, чем живет народ, осталось вне исследования. Но мало этого. Когда за исследование религии брались «специалисты» этого дела (миссионеры, иезуиты), которые положили па эти исследования много труда, то и тогда выходила из этого исследования не польза, а один вред. Миссионеры в своих переводах искажали священные книги, подгоняя их к своим целям.

Происходившая недавно война с Китаем заставила европейский мир пристальнее взглянуть на жизнь этой огромной страны. Ближайшее знакомство с ней породило целую литературу о Китае, перечитывая которую нельзя не дивиться тем противоречивым отзывам, которые сыпятся со стороны военных, купцов, миссионеров. Одни в восторге от выносливости, трудолюбия парода, другие с презрением рассказывают о его незлобии, трусости, непригодности к военным действиям, третьи с ужасом останавливаются на том, как легко китайцы казнят друг друга и как спокойно относятся к переходу в иной

мир и т. п. И остановиться на каком-либо взгляде нет возможности, тем более что фельетонные статьи стараются нанизать как можно больше явлений.

Человеку, желающему ознакомиться с духом народа, остается все-таки один путь – пойти к его священным книгам, обратиться к тем хотя бы и отрывочным сведениям, которые даются о жизни его лицами, жившими там и характеризующими жизнь народа в основах усвоенного нами из его священных книг миропонимания, и постараться, уяснив себе то жизнепонимание, которое есть у народа, по его священным книгам, понять его жизнь.

Когда мы читаем какие-нибудь философские трактаты или религиозные учения европейцев и вообще нашего так называемого «цивилизованного мира», то мы не можем отнестись к ним критически, как бы извне: мы можем с ними соглашаться или не соглашаться, но они нам понятны; когда же мы беремся за чтение священных книг китайцев, то первое впечатление, с которым нам приходится встречаться, это совершенная чуждость

и непонятность выражений, построения фразы и всего того, что, очевидно, интересует китайца. Эта чуждость, вероятно, и создала то, что, несмотря на многовековые сношения европейцев с китайцами, до сих пор и страна эта, и ее литература, наука и философия остаются для нас почти неисследованными, за исключением нескольких книг на французском и английском языках, причем писатели этих книг не всегда беспристрастно относятся к этому народу[1]. Но этого мало. Оказывается, с литературой китайцев довольно трудно знакомиться как ввиду трудности этого языка, так и ввиду того, что пишут они идеографически[2] или синтетически, тогда как наша письменность буквенная или аналитическая. По мнению таких знатоков Китая, как Симон, «есть такие сочинения, что для надлежащего их перевода недостаточно знать язык, на котором они написаны, необходимо обладать, кроме того, известными предварительными сведениями, а также большой независимостью ума и характера. А все эти качества вместе не всегда встречаются и у переводчиков-специалистов» (с. 174). Ввиду этого мы

и имеем так мало переводов и сочинений, из которых мы могли бы почерпнуть более или обстоятельное знакомство с Китаем. Но мало и этого. Лицами, способствовавшими нашему знакомству с Китаем, были главным образом купцы и миссионеры. К сожалению, между исследованиями о Китае почти не встречается обстоятельных и обширных трактатов, написанных купцами. Все, что мы имеем, большей частью принадлежит миссионерам, бывшим в Китае. Им мы обязаны первыми описаниями жизни Китая и первыми переводами его священных книг. Но люди эти, через которых мы имеем почти единственную возможность знакомства с Китаем и его религией, до такой степени были проникнуты своим религиозным фанатизмом (мы говорим главным образом о миссионерах иезуитах), что, не говоря о той трудности перевода, о которой мы упоминали выше, они, нисколько не стесняясь, позволяли себе его искажать. Вот что по этому поводу пишет тот же обстоятельный исследователь Китая Симон. «Некоторые из миссионеров не довольствуются изменением очевидного смыс-

ла какого-нибудь из древних китайских символов. Примером этого может служить перевод И-цзин – главной и основной священной китайской книги, сделанный в прошлом столетии иезуитским патером Регисом. Достопочтенный патер не только перевел И-цзин, но признал также неудобными комментарии, сделанные в этой книге Конфуцием. Он просто-напросто заменил их своими собственными»[3]. Легко поэтому видеть, что при таких условиях познакомиться с истинным смыслом китайского учения в высшей степени трудно. Это замечание относится и вообще к религиям. Первоначальная чистота учения основателя религии до такой степени обыкновенно затемняется последователями и лже-толкователями, что до нас доходит большей частью учение в искаженном виде. Здесь же, кроме этих условий, для иностранцев китайское учение было предлагаемо в искаженном переводе. Затем мешает нам знакомиться с китайской жизнью также и то, что у китайцев сформировался совершенно определенный, оригинальный уклад жизни и мировоззрение, резко отличающиеся от наших. Про-

изошло это оттого, что, насколько можно судить, китайцам чуждо то понятие прогресса, эволюции, которым мы так гордимся, а, остановившись на известной религиозной системе, они с твердостью и последовательностью, удивительными для нас, проводят принципы свои в жизнь, и вся их общественная, экономическая и научная жизнь является лишь следствием такого их религиозного верования. Таким образом, религиозные учения являются у китайца основой жизни, и вот почему, как мы увидим ниже, их мудрецы в своих религиозных учениях занимались вопросами государственного правления и т. п.

Вот что говорит Георгиевский в книге «Принципы жизни Китая»: «Сознавая силу европейской позитивной науки, китайцы, поскольку им приходится видеть европейцев у себя дома или вне своей родины, в то же время сознают, что действительная жизнь последних не обосновывается на твердых принципах, что идеал не воплощается в реальности, что дела все чаще противоречат словам. Честность, гуманность, любовь ко всем людям, справедливость (понимаемую не только

как легальную), преданность отечеству, супружескую верность, необходимость солидной семейственности, уважение к женщине и т. п. европеец всегда готов проповедовать звонкими фразами, а не примером своей собственной жизни, в которой весьма не часто проявляет альтруизм, обуздание животных наклонностей и подчинение воли указанному религией или выработанному разумом принципу. И потому китаец видит в европейце существо грубое, мало облагороженное гуманностью, притом же существо двуличное, прикрывающее свою внутреннюю грубость высокими идеалами, не осуществленными в действительности, и не только презирает его, но и относится к нему, из чувства самосохранения, враждебно. Вот коренная причина, почему в Китае на европейцев смотрят косо, подозрительно, почему дают им нелестную кличку (ян-гуй-цзы – заморский черт[4]), почему стараются не допускать их на новые места[5] и вытесняют из тех мест, где они уже поселились[6], почему находят нужным противодействовать их влиянию путем печати. Чем меньше китаец знает европейца,

тем лучше к нему относится (так по крайней мере приходилось нам от многих слышать) и, наоборот, чем ближе знакомится с европейцем, тем более проникается ненавистью и враждебностью к нему. Кто из китайцев имеет всего более дела с европейцами? Конечно, кантонцы: они давно уже торгуют с европейцами в своей собственной провинции; они находятся при европейцах в большей части других городов Китая, являясь в роли факторов, торговцев заморскими товарами, фотографов, портных, содержателей гостиниц, в роли компрадоров и служителей при фирмах и частных домах; они усваивают материальную культуру Запада и пропагандируют ее. А между тем, по заявлению самих европейцев, «кантонцы известны своим буйством и ненавистью по отношению к иностранцам, и европейские фактории не раз были атакованы разъяренной чернью, которая сдерживалась только силой оружия»».

Таким образом, нет никаких данных предполагать, что китайцы пойдут с распростертыми объятиями к европейцам и постараются ознакомить их наивернее со своей жиз-

нию. С другой же стороны, такое отчужденное отношение китайцев должно невольно возбуждать в исследователе, в свою очередь, отчуждение, а его диаметрально противоположное отношение к жизни еще более усиливать это чувство.

В то время как Китай, по мнению наших европейских исследователей, застыл в одном положении, мы непрерывно движемся. В то время как общий уклад жизни Китая посвящен всевозможным пустякам, на наш взгляд, как, например, культу предков, церемониям и т. п., мы вырабатываем новые высшие формы жизни. И китайская культура является в наших глазах столь отсталой, столь грубой, близкой к состоянию младенчества и дикарей, что мы совершенно отворачиваемся от нее.

Затем священные книги их написаны таким языком и трактуют о таких предметах, которые мы привыкли считать маловажными, и это обстоятельство также не способствует ознакомлению с ними.

Ввиду всего этого составитель этой книги предчувствует, что даже при внимательном

отношении к книге читателя, привыкшего к искреннему и серьезному обсуждению важных жизненных вопросов, оттолкнет от нее то обстоятельство, что наряду с обсуждением наиболее важного говорится о каких-то церемониях или о музыке. Нас может поразить и оттолкнуть неуместность этих рассуждений в разных философских трактатах или религиозных книгах, но при этом мы не будем справедливы. Если мы и встречаемся с наставлениями и правилами о церемониях и музыке, которые могут поселить в нас чувство недоумения и даже презрения к такому народу, который чтит подобное учение, то во всяком случае справедливее было бы воздержаться составлять так скоро свое суждение, приняв во внимание трудности перевода соответствующих выражений с китайского языка. Нам представляется, что совсем иначе было бы, если бы мы могли понять смысл, который придают этим выражениям сами китайцы. Чтобы быть более понятным, позволим себе сравнение. Вообразим себя на время в положении китайцев, которые желали бы изучить наш язык и познакомиться с нашей

литературой, наукой, религией и которые отнеслись бы к своей задаче вполне серьезно. Мы думаем, что при этом их в высшей степени поразило бы наше слово «любовь». Слово это они прочли бы в романе, где любовник признается в любви своей возлюбленной, прочли бы его в философии, прочли бы его в наших религиозных книгах и проповедях, и слово это, вероятно, повергло бы их в полное удивление и создало бы у них нечто вроде презрения к нам. Если мы в нашей религии пользуемся словом «любовь» в том же смысле, в каком любовник пользуется им для своей возлюбленной, то какое же высокое значение можно было бы придавать нашей религии? Таким образом, китайцу, для того чтобы понять истинный смысл этого нашего выражения, необходимо не ограничиваться только поверхностным знакомством с нашим лексиконом, а довериться серьезному значению для нас нашей религии и нашей философии и проникнуть в истинное значение этого слова.

Но даже если бы китайский язык и был нам неизвестен, тем не менее по смыслу тех

книг, которые переведены на европейские языки, мы сами могли бы до некоторой степени представить, что и такие выражения, как церемонии и музыка, которым китайцы придают огромное значение, действительно заслуживают того, чтобы им это значение придавать.

Церемонии – это регламентация известных повседневных поступков человека. На Востоке люди издавна привыкли к почти-тельному, вежливому обращению друг с другом. Быть может, причиной этому верование их в переселение душ. Буддийская религия, насчитывающая не одну сотню миллионов, если не учит тому же, то все те предрассудки и обычаи, которые вкоренились у верующих, заставляют их верить в ту же необходимость известного обхождения друг с другом. Очевидно, седая древность народов Востока передала им одно и то же наследство, в котором в такой полноте было отказано нам. Но если надо относиться к человеку ласково, любовно, дружелюбно, не делая ему неприятностей, то можно предусмотреть и те случаи, в которых наши поступки будут неприятны, а отсю-

да и является кодекс обхождения друг с другом, то есть церемонии.

В особенности основательное начало этому должен был положить соблюдаемый в чрезвычайной строгости у китайцев принцип почитания родителей и старших. Они верят в мудрость древних, старших, у них существует культ предков, а потому естественно существует и такое почтение к родителям и старшим, о котором не могут иметь представления не только у нас, европейцев, но и у соседей китайцев – буддийского Индокитая и Индостана. Насколько сильно это почитание родителей и насколько китайцы остались в этом отношении консервативны, читатель может судить из следующего.

При императоре Цзя-цине (1796–1821) случилось, что в одной из губерний муж в согласии со своею женой убил свою мать. Губернатор провинции донес об этом происшествии в Пекин, и государь, считая наказание, назначаемое законом за убиение родителей, недостаточно сильным, в эдикте своем постановил следующее: место, где случилось происшествие, проклясть и отвести под дорогу; обо-

их виновных подвергнуть смертной казни; мать жены-преступницы наказать палочными ударами; студентов округа, где случилось убийство, в течение трех лет не допускать до экзаменов; чиновников округа лишить должностей и выслать; дом, в котором жили преступники, разрушить до основания. «Пусть губернатор, – прибавлялось в эдикте, – сделают мое решение известным, оно должно быть доведено до сведения народа по всей империи, и если где-либо найдутся такие отворотительные дети, которые будут противиться своим родителям, причинять им болезни или осмелятся поднять на них руку, то они будут наказаны подобным же образом. Когда ты, народ, будешь знать новое постановление, то отнесись с уважением к воле государя, подчиняйся ей и не смотри на этот эдикт как на пустые слова, так как я твердо решил, подобные преступления наказывать так же, как наказал Фан-чжена. От всего моего сердца я убеждаю всякого блюсти за собой; я приказываю правителям всех губерний довести об этом до сведения старшин семейств и деревень и прочитывать мое постановление»

ние во второй и шестнадцатый день каждого месяца, чтобы выяснить важность житейских отношений и чтобы никто не восставал против своих родителей, так как я хочу, чтобы народ был проникнут детскими чувствами».

Отношения к родителям, а затем и к старшим, мудрым легли, следовательно, в основу этого кодекса церемоний. Затем отношения к мудрым и старшим повлекли за собой отношение вообще к почтенным людям, выше нас стоящим на общественной лестнице, и т. д., и т. д.

Вот каким образом создались церемонии, то есть кодекс обхождения друг с другом. Они глубоко вкоренились в китайский народ, и всегда китайцы поражают европейцев своей ласковостью и обходительностью. И потому, если читатель и не согласится с принципом церемоний, то во всяком случае он может отнестись к этому с должной серьезностью, как к тому, что имеет огромное жизненное значение для многих миллионов народа, считающего свою историю тысячами и все время следовавшего этому принципу. В этом отношении наши крестьяне бли-

же всего подходят к китайцам своею так называемой патриархальностью.

Что касается «музыки», то вот что говорится о ней в разговорах Конфуция: «Если у человека не будет добродетелей, свойственных человечеству, то что для него музыка? (3.3); «Ум образовывается чтением од, характер воспитывается правилами поведения, окончательное же образование дает музыка» (8.8); «Когда Конфуций услышал музыку *шао*, он семь месяцев не мог испытывать вкуса от пищи и говорил: я не думал, чтобы могла быть такая прекрасная музыка, как эта» (7.14); «Конфуций, живя в Учэне, услышал звуки музыки инструментов и пение. Будучи доволен этим, он сказал: «Зачем пользоваться для того, чтобы зарезать курицу, огромным ножом, которым убивают быка?» Цзы Ю отвечал: «Прежде, учитель, я слышал, как ты говорил: когда человек, занимающий высшее положение, образован хорошо, то он любит людей, когда человек в низшем положении хорошо образован, то им легко управлять».

Конфуций сказал своим ученикам: «Ученики мои, слова Ю совершенно верны. Я ска-

зал же свои только в том смысле, что жалко, если музыке, не придавали важного воспитательного значения» (17.4); «Учитель сказал о музыке *шао*, что она в совершенстве прекрасна, так же, как и в совершенстве хороша, возбуждая хорошие чувства. Он сказал о музыке *у*, что она была также в совершенстве прекрасна, но не в такой же степени хороша (3.25). – Мелодия и чувства (см. примечания к этому у Легга).

Конфуций, давая поучение главному учителю музыки в Лу, сказал: «Как играть – можно узнать. В начале песни все части должны звучать вместе. Когда музыка продолжается, все должно быть в гармонии, и хотя и должны выделяться особенные звуки, но они не должны нарушать гармонии; и так до самого конца» (3.23).

Конфуций говорит: «Только когда я вернулся из Вэй в Лу, была преобразована музыка, и тогда только отрывки правильных од и хвалебных песен нашли свое место» (11.13); «Все это требуется приличиями, говорят. Разве все эти платья и шапки требуются приличиями? Это требуется музыкой? Разве все эти

колокола, трезвон и грохот требуются музыкой?» (17.11).

Этим Конфуций хочет показать, что не одни только звуки определяют музыку, а определяет ее нечто другое – то, чему она служит.

Вот как относится Конфуций к музыке. Очевидно, музыке придавалось серьезное значение и не только значение в смысле развлечения, но и государственном. Музыка, по убеждениям китайцев, может направлять человека как на хорошие мысли, так и на дурные. И потому надо пользоваться ею осторожно и посвящать ей особое внимание. Обращается внимание и на гармонию, и мелодию, и на чувства, возбуждаемые ею. Музыка входит в кодекс священных книг и преданий, музыка регламентируется поэтому государством.

Быть может, все это для нас и необычно, но во всяком случае это не такие уже пустяки. Достаточно вспомнить тот шум, который был произведен во всей Европе «Крейцеровой сонатой» гр. Л. Н. Толстого, затем припомнить взгляды, выражаемые им об искусстве в его книге «Что такое искусство?», чтобы понять,

что китайцы могут иметь основание, придавая такое значение музыке.

Таким образом читатель может видеть, что при всей чуждости для нас китайских понятий они в основаниях своих вовсе не так чужды и глупы, как это может представляться при поверхностном отношении к этому вопросу.

Но еще иначе мы должны думать, если обратимся к исследованию жизни китайцев. Отношение их как к религиозным вопросам, так и к общественным, экономическим и политическим чрезвычайно любопытно в том смысле, что нередко в области практического отношения к жизни китайцы стоят на несравненно высшей ступени, еще не достигнутой нами, еще той, к которой мы, европейцы, стремимся.

Отношение китайцев к различным верам должно поразить нас, европейцев, своей терпимостью. Если могут возразить на это ссылкой на избиение христианских миссионеров, то надо заметить, что избивали их не потому, что они были христианскими миссионерами, а, по единогласному свидетельству всех се-

рьезных исследователей жизни Китая, лишь потому, что христианские миссионеры менее всего занимались своей религиозной миссией, а разными политическими интригами, чем справедливо восстанавливали против себя.

Кроме того, христианские миссионеры несли за собой в Китай меч европейских войск и насилия европейских держав. Трудно думать, чтобы христианство подверглось бы в Китае нетерпимости, в особенности если вспомнить, что, например, в XVI в. к христианству были настолько расположены император и высшие классы, что в Европе стали мечтать об обращении всего Китая в христианство. Так что возражение о гонениях христианских миссионеров едва ли должно иметь место. Но помимо этого в Китае с очень давних пор уживаются три господствующие в нем религии: конфуцианство, буддизм и даосизм, не говоря уже о бесчисленных сектах, тогда как мы этого до сих пор не можем сказать про жизнь европейских народов.

Переходя затем к одной из религий китайцев – конфуцианской, следует заметить,

что Конфуций никогда не касается таких вопросов, как создание мира, конец мира и т. п. Его никогда не беспокоил вопрос о происхождении человека, никогда не пробовал он искать того, что будет с человеком потом. Его не затрагивала ни физика, ни метафизика. Вот каково свидетельство «разговоров» по поводу предметов его учения. «Наиболее частыми темами его разговоров были книга поэзии, книга истории и поддержание правил благочиния». «Он учил наукам, этике, преданности своей душе, правдивости». «Не любил же он рассказывать о необычайных вещах, о какой-нибудь необычайной силе, о каких-нибудь беспорядках, о духовных существах и т. п.»

В сведениях о его жизни мы не находим никаких рассказов о необычайных откровениях, о сверхъестественных видениях и т. п., и английский переводчик его Легг поражается его практическим умом и глубоко сожалеет о том, что он не был просвещен светом христианского учения.

Такая отличительная черта конфуцианской веры заставляла ученых поднимать во-

прос о том, был ли Конфуций новатором веры в Китае, то есть он ли ввел религию, в которой все как бы проникнуто практичностью, где отсутствуют столь свойственные другим народам представления о духах, сверхъестественных явлениях и т. п., или же его религиозная система была продолжением и естественным следствием учения древних мудрецов. Английские ученые Легг и Гарви при этом расходятся в своих взглядах. Первый говорит, что Конфуций не исповедовал веры древних мудрецов. Обосновывает свое мнение на том, что Конфуций ничего не говорит о Боге, тогда как имя это является известным уже в Ши-цзин и Шу-цзин. Ди, или Шан ди, в этих древних книгах является тем личным существом, правящим на небе и на земле, создателем человеческой нравственной природы, правителем среди народа, который ставит у них королей и князей судить людей, вознаграждающий за добро и наказывающий за зло. Конфуций же везде говорит о небе. Действительно, читатель найдет это как в прилагаемом переводе двух классических книг, так и в «Разговорах», – везде он

держится той же почвы. «Тот, кто совершает преступление против небес, не имеет никого, кому бы он мог помолиться» («Разговоры», 3: 13). «Увы, – сказал он, – нет никого здесь, кто знает меня». Цзы Гун сказал: «Что вы подразумеваете, говоря, что никто не знает вас?» Он отвечал: «Я не ропщу против небес и не сержусь на людей. Познания мои низки, а проникновение мое поднимается высоко. Но существует небо, и небо знает меня» («Разговоры», 16; 37). И ни разу во всех «Разговорах» не дается название тому, что он понимает под небом. Это и заставило Легга считать его не только не религиозным, но совершенно наоборот. Он думает, что Конфуций в значительной степени содействовал тому, что в следующие за ним века поколение за поколением ученых проповедовало в Китае атеизм.

Но подобные обвинения едва ли можно признать основательными. Не только у Конфуция, но и у других философов и основателей религиозных систем на Востоке мы можем встретить такое же отношение к этому вопросу. И не атеизмом следует это объяс-

нять, а тем, что понятие о Боге считалось этими основателями религий и философами столь возвышенным и, с другой стороны, столь свойственным человеческому разумению, что назвать его значило бы, по их мнению, или ложно истолковать или принизить высшее представление до нашего низшего разума.

Вот почему Конфуций употребляет выражения – *небо, небеса*; Лао-цзы – *дао* (путь) и т. п.

В ранние исторические времена в Китае существовало вместе с почитанием других духовных существ, как следствие этого, почитание предков. Конфуций признавал последнее, то есть почитание предков, крайне необходимым, «Он служил мертвым так же, как если бы они были с ним. Он служил духам так же, как если бы духи присутствовали. Он говорил: я смотрю на то, что я не присутствовал при служении предкам, как если бы я не совершал этого служения» («Разговоры», 3: 12). По мнению Легга, Конфуцию надо было бы об этом почитании выразиться яснее и указать людям какие-нибудь принципы,

исходя из которых оно было бы основано, то есть он хотел бы вложить Конфуцию учение о переселении душ или учение о загробной жизни, но Конфуций никогда не касался этих вопросов, он всегда избегал их. Цзы Лу спрашивал насчет нашего служения духам умерших, и учитель сказал: «Пока вы неспособны служить людям, как можете вы служить их духам?» Ученик прибавил: «Я осмеливаюсь спрашивать относительно смерти». И на это последовал ответ: «Пока вы не знаете жизни, что толку узнавать про смерть?» («Разговоры», 15: 11).

Еще более поразительным является его разговор с другим учеником, записанный в «Семейных сказаниях». Цзы Гун спрашивал его: «Имеют ли представление мертвые о нашем служении им или же они не имеют никакого представления?» Учитель отвечал: «Если бы я сказал, что мертвые имеют такое представление, то я боюсь, преданные сыны и сознающие свои обязанности внуки претерпели бы известный вред, платя последний долг тем, кто от них уходит. Если бы я сказал, что мертвые не имеют такого представления,

то я боюсь, как бы не особенно любящие сыновья не покидали своих родителей без погребения. Вам незачем стремиться узнать, имеют ли об этом представление мертвые или нет. Решительно нет для этого никакой неотлагательной необходимости. Каждый из вас узнает это, поскольку возможно, для себя».

Из того, что Конфуций говорил своим ученикам, что у него не было ничего тайного от них («Разговоры», 7: 23), из того, как он всегда твердо избегал обсуждения этих вопросов, мы должны заключить, что на этот счет у него было совершенно ясное представление о ненужности обсуждения их. Вот в чем, по словам Конфуция, заключалась мудрость. «С полной искренностью исполнять долг свой по отношению к людям, а когда коснется дела духовных существ, то держаться подальше от них, – вот что может быть названо мудростью» («Разговоры», 6: 20). Конфуцию ставят в упрек, что, вместо того чтобы пользоваться фразеологией древних мудрецов, он дал повод последователям его отождествлять Бога с принципом разума или с естеством приро-

ды. Таким образом, в конце концов это буд-то бы привело к тому, что последователи Конфуция отрицают существование духов, а при объяснении своего служения предкам они говорят, что это только внешняя форма, что это только способ выражения того сыновнего благочестия, которое они признают, и продолжение этого выражения благочестия тогда, когда родители ушли от детей. Таким заключениям, однако, противоречат слова самого Конфуция.

«Я требую, – говорит Конфуций в другом месте, только того, чего должно требовать от людей. Учение мое не что иное, как учение, которое преподали и оставили нам древние; к учению этому я ничего не прибавляю, ничего от него не отнимаю, но передаю его в первоначальной чистоте. Учение это неизменно – само небо автор его; я сам уподобляюсь тому земледельцу, который кладет зерна в землю и поливает ее, но который сам по себе не имеет силы заставить посев пустить ростки и принять формы растений иного рода».

Но обновляя древний закон, Конфуций

имел, конечно, обширное поле для проявления своих индивидуальных воззрений. Буква завета темна, ее можно толковать и так, и иначе. Если философ придавал тому или другому тексту известный смысл, то это всего чаще должно было зависеть от его собственных убеждений, а последние вытекали из его коренного, общего мирозерцания, сложившегося на почве известных душевных качеств, под влиянием многообразно добытых сведений и жизненного опыта. «Неужели, – заметил однажды Конфуций своему ученику, – ты думаешь, что я держу в памяти весь материал моей громадной учености? Нет, я все свел к одному принципу».

Что касается призвания своего, то Конфуций считал себя как бы посланником неба, как бы исполнителем небесной воли: «Нет более «Вэнь-вана», – говорил он, – не я ли только могу преподать учение о пути? Если бы небу было угодно погубить учение, то продолжатели Вэнь-вана не имели бы возможности поддержать последнее».

Так же точно следует упомянуть о несправедливом и пристрастном отношении к Кон-

фуцию его английского переводчика[7] и нашего русского ученого Васильева относительно учения Конфуция об обязанностях человека к себе самому. Эти ученые свое неодобрение и несочувствие к Конфуцию объясняли между прочим тем, что он будто бы не придавал никакого значения взглядам человека на отношения к своей собственной нравственной природе, а главным образом останавливался на правительстве и на способах управления народом. При самом поверхностном чтении тех двух китайских классических книг, которые здесь прилагаются, читатель увидит, что это несправедливо и что как та, так и другая трактуют о законах духовной жизни каждого человека. Вот что между прочим говорит Конфуций.

Если в самом человеке заключается семя истинных познаний, то неужели семя это оставалось в человечестве (по крайней мере в Китае) непрозябшим до времен Конфуция? «Нет, – отвечает философ, – я (постоянно говорил он окружающим) не учу вас ничему, чего бы вы не могли знать сами, если бы правильно пользовались способностями своего

разума. Нет ничего естественнее, ничего проще тех нравственных принципов, которые я вам внушаю. Все то, что я вам говорю, наши древние мудрецы раньше нас применяли на деле, и это применение, которое в века минувшие было общераспространенным, сводится, во-первых, к соблюдению трех основных законов отношений: между государем и подданными, между родителями и детьми, между мужем и женой; во-вторых, к исполнению пяти главнейших добродетелей: человеколюбия, справедливости, твердости относительно установленных обрядов, прямоты сердца, верности».

Но правда и то, что Конфуции вместе с этим постоянно трактовал о задачах управления народом. Китайская жизнь уложилась в такие устои, что это является вполне естественным. Как говорится в другом месте, китайское государство представляет собой совокупность нескольких королевств или провинций, группирующих несколько уездов, волостей; последние же состоят из семей. Семья управляется совершенно самостоятельно, как это ни странно может для нас звучать.

У тайцев, при их почитании родителей и старших, старший в семье является естественным представителем семьи и в политическом отношении и первым управителем и администратором всех семейных дел.

Управление государством совершенно аналогично управлению семьей с той только разницей, что государство представляет собой гораздо большее сочетание единиц, чем семья. Говоря об обязанностях человека к человеку, Конфуций не мог не коснуться отношений семейных; коснувшись же последних, он не мог не сказать об отношениях государственных.

Отношение главы семьи к остальным ее членам совершенно подобно отношению главы государства ко всем подданным. Поэтому у Конфуция является учение об управлении государством. Учение это настолько просто и ясно, настолько доступно пониманию всякого и настолько обязанности государя связаны с обязанностями главы семьи и каждого ее члена, что невозможно представить себе какой-нибудь исключительности этого учения. Оно необходимо для всех. Законы жизни

одинаково обязательны как для высших, так и для низших, для управляющих и для управляемых, для царей и для подданных, только отношения между ними и основы для правильного течения жизни несколько иные. Так, например, «между отцом и сыном должна быть любовь, между государем и министром должна быть праведность, между мужем и женой – внимание к их отдельным обязанностям, между стариком и молодым – порядок, между друзьями – верность», – говорит Менций.

И Конфуций постоянно старается указать людям на то, как можно бесшумно и правильно регулировать механизм семьи в тесном смысле и семьи в обширном смысле – государства, и какие условия для этого должны быть соблюдаемы. «Человек, – говорил он, – является представителем небес на земле, он высшее существо. Женщина повинуется наставлениям мужчины и помогает ему выполнить предначертания неба. Поэтому она не может ничего от себя определять, а подчинена трем правилам повиновения: когда она молода, она должна повиноваться своему от-

цу и старшему брату; когда она замужем, она должна повиноваться своему супругу, а когда супруг умер, она должна повиноваться его сыну. Она не должна думать о том, чтобы выйти замуж во второй раз. Никакие наставления или приказания не должны исходить от нее. Дело женщины – это хозяйственные заботы. Она не должна знать ничего за пределами своего хозяйства. Она не должна переходить границ государства». Дальше Конфуций определяет женщин, которых не следует брать замуж, основания для развода и т. п. Все это, разумеется, отнюдь не звучит для нас чем-то передовым, но если мы посмотримся в другую сторону учения Конфуция: об управлении собой и об управлении другими людьми, то мы поймем, что даже и такая ретроградность во взглядах на женский вопрос не является чем-нибудь опасным для китайца. Цзи Чжан спрашивал по поводу управления (государством), и Конфуций отвечал: «Управлять – значит выправлять».

Но помимо религиозной жизни, которая, как мы старались показать выше, вовсе уже не стоит на такой низкой ступени, как у нас

сложилось представление, общественные и экономические отношения китайцев находятся на высокой степени развития.

Что касается формы государственного правления в Китае, то она совершенно отлична от тех форм, к которым мы привыкли в западноевропейской практике. Описание ее может вызвать улыбку недоверия, так как она слишком отлична от наших форм. Но тем не менее описания разных лиц, посетивших Китай и ознакомившихся с его правлением, более или менее сходятся в этом отношении. Это следует сказать по крайней мере про Симона, Георгиевского, Смита[8], французских миссионеров и т. д.[9]. У китайцев нет того, что мы разумеем под центральным управлением. Во главе правительства стоит император, богдыхан, но власть его номинальна: он не располагает военной силой, которая дала бы ему возможность подчинить страну его воле.

В этой стране, по их заявлению, существует полная свобода слова и печати, причем всякий может быть открытым ценителем мероприятий и видов правительства; полная

свобода веры, дающая возможность каждому гражданину по своему произволу принимать христианство, буддизм, магометанство или другую какую религию; в этой стране ассоциации и всякого рода артели достигли такого разнообразия, о котором в Европе не имеют еще и понятия; банковские операции развиты настолько, что правительство нашло более удобным отказаться от своей монополии выпускать бумажные деньги и монету из драгоценных металлов.

Милитаризм в том смысле, как это понимается у нас, в Европе, уже давно исчез в Китае, и китайцы более всего отличаются чувством законности. Издавая тот или другой закон, император может надеяться провести его в отдаленных провинциях только в силу нравственного давления; в противном случае закон этот игнорируется населением. И не было случая, чтобы правитель или народ пожалели о такой замене грубой силы нравственным воздействием. Новые законы обыкновенно пробуются в какой-нибудь одной провинции и, если там они признаны подходящими, вводятся везде.

Такая организация правления ведет за собой соединение деспотизма с удивительной, недоступной даже западноевропейским учреждениям, свободой. Власть монарха распространяется только на очень ограниченный круг, и то же самое следует сказать и про власть его представителей в провинциях: вице-королей и прочих чиновников. Но это же самое, в свою очередь, в значительной степени развивает в китайцах чувство законности. Вот что говорит, например, о китайцах путешественник Смит: «Китайское правительство, имея удивительную устойчивость, обнаруживает в то же время полную слабость тогда, когда именно требуется его сила, когда требуется проявить свое значение и власть сразу и неожиданно».

Такой строй государственной жизни страны не является каким-нибудь случайным явлением в последний период времени, он имеет за собой историю более тысячи лет.

Задолго до того, как началась проповедь христианства, император Шунь, слава которого пережила многие народы и империи, собрал совет нотаблей и объявил им, что каки-

ми бы высокими умственными и нравственными достоинствами ни был одарен человек, он один не может хорошо управлять большой империей, и ему необходима помощь честных и мудрых людей; поэтому он предложил избрать двенадцать таких помощников и, когда они были избраны, назначил их в дальние провинции, недоступные его влиянию; с той поры вице-короли и губернаторы получили значение почти самостоятельных правителей. Свою власть они получают от императора, но пользуются ею по своему личному пониманию и в соответствии с различными условиями.

И поныне власть главы государства над вице-королями исключительно нравственная; лично он не может принудить их исполнять его волю, и их оппозиция часто остается безнаказанной.

Только зная это, и можно понять, почему китайское правительство является часто беспомощным в своих внешних сношениях и в исполнении некоторых требований иностранцев. (...) Вице-короли провинций считают часто излишним получать согласие импе-

ратора на свои административные мероприятия, чеканят свою собственную монету, проводят каналы, строят железные дороги и созывают и распускают войско, не справляясь с мнением императора.

Общественное мнение является гораздо более действенным орудием в Китае, чем в Европе, и повлиять на это мнение в Китае гораздо легче, чем у нас. Оно составляет там исключительно нравственную силу. Одного китайца, который был два раза подвергнут тяжелому телесному наказанию за кражу, но все-таки не исправился, приговорили в третий раз к телесному наказанию, но когда и это не подействовало, его присудили к отправке на родину, где он должен был стоять по часу в течение трех дней, имея на спине надпись, в которой было изложено, в чем заключалось его преступление. Тогда неисправимый преступник стал умолять, чтобы его подвергнули телесному наказанию или заключили в тюрьму, но не позорили бы навсегда. Он был готов на все, что угодно, только не подвергаться общественному осуждению. Во всех обыкновенных случаях эта узда обще-

ственного мнения, в силу религии, воспитания и обычая, оказывается достаточной.

Китайский народ настолько усвоил начала своей политической организации, что его полное повиновение достигается уже одним только знаком власти. Достаточно одного, даже вовсе не строгого чиновника, чтобы держать в подчинении тысячи китайцев.

Население каждой деревни само ведет свои общественные дела, само взимает налоги, входит в соглашение с соседями о содержании дорог и каналов, и вообще пользуется в местном самоуправлении гораздо большей свободой, чем германцы, французы и итальянцы. Члены цеха протягивают руку помощи своим несчастным или честолюбивым собратьям и одалживают друг друга средствами с такой готовностью, которая показалась бы европейцу полной неосмотрительностью. При этом они доверяют гораздо более честности товарища, чем его расписке. Сплошь и рядом можно встретить такие примеры, что один член цеха отдает весь свой заработок другому, чтобы дать ему возможность выполнить заключенный им договор. Сумма, ко-

горя дается таким образом в долг, достигает иногда трех-четыре тысяч рублей и представляет целое состояние для человека из рабочего класса. Ни кредитор не требует расписки, ни должник не выдает ее. Тем не менее долг уплачивается и притом без процентов. Доныне цехи вообще употребляли свою власть на пользу своих членов, которая резко расходится с общей пользой, так как для цеха весьма важно иметь на своей стороне общественное мнение.

В китайском обществе существуют только две категории людей: образованных и необразованных; сыну честных родителей открыты все дороги, и, если только судьба не слишком обидела его своими дарами, он не лишен возможности достигнуть даже звания мандарина. Для какого-нибудь бедняка китайца гораздо легче сделаться посланником, чем такому же простому человеку в Европе проложить себе дорогу в дипломатический корпус.

Высшие добродетели далеко не чужды китайцам. Случаи самопожертвования в Китае менее заметны потому, что они как явления

заурядные не останавливают там на себе ничего внимания, никого не удивляют и ни в ком не возбуждают восторга; там же, где подобные случаи являются исключением, люди объясняют их иными, особыми мотивами. Добрый сын жертвует за отца своей жизнью, не колеблясь и не рисуясь, даже тогда, когда это самопожертвование влечет за собой самые ужасные физические муки. Очень часто встречаются случаи, когда место преступника, приговоренного к смерти, заступает другой человек единственно ради того только, чтобы получить несколько сот рублей и завещать их своим погибающим от нищеты родственникам; большинство таких случаев остается неизвестными. Множество хорошо воспитанных девушек из семей, впавших в нищету, покидают свою семью с затаенным в глубине души отчаянием, отказываются от всех своих надежд в жизни и, чтобы спасти мать от голодной смерти, продают себя в самое ужасное рабство нашего времени и делаются жертвами проституции. Народ, способный на такой героизм, не может быть заклеен словом «безнравственный», как у нас

и в европейской печати нередко выражаются. Во всем том, что предписывается этикой, как вежливость, благовоспитанность, такт, во всем том, что требуется общественным приличием, китайцы не имеют себе равных. Они следуют словам своего великого учителя: «Работайте много и употребляйте немного пищи. Считайте и пустяки стоящими вашего внимания. То, что кажется вам не имеющим никакого значения, может оказаться самым важным. Будьте всегда сдержанны и в ваших удовольствиях, и в ваших страданиях. Таким путем вы достигнете душевной гармонии».

Последняя война с Китаем, надеемся, кроме того ужаса, который несет с собой всякая война, принесет с собой и такие сведения о Китае, которые заставили бы нас устыдиться нашего невежества. То, что проникает в прессу, позволяет это предугадать. Вот, между прочим, что говорят русский солдат и генерал, вернувшись из Китая.

«Китайцы, – говорит солдат, – как нам показалось, это те же люди, которые жили в раю: они добры, ласковы, не сердятся, не обманывают, никого не обижают и всегда до-

вольны... – А затем он чистосердечно прибавил: «А наш брат, коли правду сказать, не похристиански с ними поступал, много грехов на душу взял».

Генерал же дал такую характеристику Китая и китайцев:

«После двух лет, которые я провел между китайцами, меня мучит все один и тот же вопрос: поймем ли мы все то, что я так ясно и несомненно понял, что в Китай надо европейцу ездить не воевать, а учиться понимать, что такое государственная сила, что такое религия в жизни, что такое культура, что такое народное образование, что такое труд, что такое народное благосостояние, что такое нравственность, исходящая из веры в Бога, что такое семья, что такое честность, что такое уважение к собственности и что такое в этой стране мандаринов свобода и равенство. В этой стране одинаково нет места и дела европейскому солдату как эмблеме завоевания, европейскому цивилизатору как эмблеме разрушения. Правда, там нет железных дорог, нет ватерклозетов, нет техники цивилизации, но зато там земля дает урожай сам сто

двадцать и бедняк получает, проходя по улице, обед из супа, мясных блюд, овощей и сладостей за четыре копейки».

Генерал высказал еще следующее: «Правда, что китайцы неохотно дерутся и предпочитают сдаваться, чем драться, предпочитают принимать войска гостями, чем врагами, но на этом долго усыпляться, Боже сохрани. В день, когда этот, проникнутый бесстрашием, мудростью, верой, народ поймет, что вся его военная слабость происходит от отсутствия офицеров и он их получит, тогда Китай будет небывалым в мире по силе колоссом. Если мы хотим избежать страшных для нас бедствий на азиатском Востоке, мы должны все усилия своей воли, своего разума и своего сердца направить к тому, чтобы каждый русский там внушал к себе любовь китайца; русский может этого достигнуть, европеец – никогда; в этом наше неизмеримое преимущество перед англичанами и немцами. Но, увы, все, что случилось... было плохим для нас началом: ненависть к европейцам, брошенная ими закваскою в жизнь Китая, пала и на нашу долю. И горе нам, если мы не приложим

усилий и гигантских усилий, чтобы ее искоренить как можно скорее».

Жизнь Конфуция *Составлена по Леггу*

Предки Конфуция

Китайцы очень гордятся древностью своего рода вообще, что вполне понятно, как это было указано раньше, – ввиду культа предков. Естественно поэтому, что и предки Конфуция могут быть прослежены не только в течение веков, но десятков столетий.

Здесь мы должны заметить, что Конфуций – это латинизированное имя мудреца, на самом же деле звали его Кун Фу-цзы, то есть учитель Кун.

В царствование Гуан Сюя, двадцать одно столетие с половиной после смерти мудреца, потомки Конфуция насчитывали одиннадцать тысяч мужчин. Но предки их произошли еще столько же столетий назад до Конфуция, насколько можно судить из генеалогических таблиц, по которым предков Конфуция можно проследить еще от Хуанди, изобретателя круга в 2637 году до н. э.[10].

Более скромные писатели, однако, довольствуются указанием на предков Конфуция к началу династии Чжоу в 1121 году до н. э. Между родственниками тирана Чжоу, последнего императора из династия Инь, был старший брат его от наложницы по имени Цзи, который прославлен Конфуцием в «Разговорах» (18:2) под титулом графа Бери. Предвидя неизбежную гибель своего семейства, Цзи убежал из дворца и впоследствии был назначен императором Чэном, вторым из дома Чжоу, вице-королем в провинцию Сун. Цзи как герцогу провинции Сун наследовал младший брат, от которого и дальше нисходила линия. Его внуку, герцогу Мину, наследовал в 908 году до н. э. младший его брат, оставивший двух сыновей Фухэ и Фан Цзи. Фухэ отказался от своих прав на престол в пользу Фан Цзи, который казнил своего дядю в 893 году и стал правителем всей империи. Он известен как герцог Ли, а его старшему брату Фухэ принадлежит честь иметь мудреца в своем потомстве.

Потомками Фухэ были Чжэн-Каофу, знаменитый впоследствии чиновник У и Сюань

(799–728 годы до н. э.). Чжэн до сих пор славится за свою скромность и за свои литературные таланты. Мы имеем сведения о нем как о великом историографе государства, исследователе древней поэзии и таким образом подавшем пример трудиться в том направлении, в каком трудился и сам Конфуций. От Чжэн Као родился Кун Фуцзи, от которого и явилась фамилия Кун. Прошло пять поколений, в течение которых герцогство принадлежало прямой линии этого потомства, и, согласно правилам, в таких случаях должна прерываться герцогская нить и герцогство переходило кому-нибудь из народа под другой фамилией. Кун Цзи был master of thihores в Суне и известным по своей преданности и честности чиновником. К его несчастью, однако, у него была удивительной красоты жена, в которую влюбился главный министр государства по имени Хуа Ду. Решив овладеть ею, он пустил в ход интриги, окончившиеся в 709 году до н. э. убийством Цзи и воцарением герцога Шан. Тотчас же Ду завладел женой Цзи и поспешил в свой дворец с драгоценной добычей, но по дороге она задушила себя

своим ожерельем.

Таким образом началась вражда между двумя семьями Кун и Хуа, которую не сгладило время, и так как род Хуа был более могущественным, то правнук Цзи ушел в государство Лу, чтобы избежать преследований. Здесь он был назначен комендантом города Фан и известен в истории под именем Фан Шу. У Фан Шу родился Бо Ся, а от него произошел Шу Лянхэ, отец Конфуция. Лянхэ прославлен историей того времени как мужественный и благородный воин. В 562 году до н. э., находясь при осаде места, называемого Би Ян, как только партия нападающих прорвалась внутрь тотчас же была спущена ограда. Лянхэ, уцепившись руками за массивную дверь, удерживал ее, сколько позволяла его страшная сила, до тех пор, пока друзья его убежали.

Вот что известно о предках мудреца. Китайские историографы, как мы видели, подобно описаниям происхождения мудрецов у других народов, стараются показать и древность и знатность рода своего мудреца.

От рождения Конфуция до занятия им первой общественной должности (551–531 годы до н. э.)

Конфуций родился тогда, когда отец его Шу Лянхэ был уже стариком. Отец его, будучи солдатом, женился рано, но жена родила ему только дочерей – девять дочерей и ни одного сына. От наложницы у него был сын по имени Бо Ни (Мэн Пи), горбун. Когда ему было уже семьдесят с лишком лет, он стал искать другую жену из рода Янь, от которой впоследствии родился Янь Хай, любимый ученик его сына. В семье Янь было три дочери, младшую из которых звали Янь Чжи. Янь однажды говорит им: «Я знаю Лянхэ, коменданта Цзоу. Отец и дед его были только учеными, но предки его до них происходили от мудрых императоров. Это человек десяти футов роста и необычайной силы, и я бы очень желал породниться с ним. Хотя он стар и серьезен, вы не должны отклонять его. Которая из вас трех будет его женой?» Две старшие дочери молчали, а Янь Чжи сказала: «Зачем ты спра-

шиваешь нас, отец? Это тебе надо решать». «Хорошо, – сказал отец в ответ ей, – ты будешь его женой». Янь Чжи сделалась поэтому женою Лянхэ и родила Конфуция, которому дали имя Цю, а прозывали Чжун Ни.

Событие это произошло в 21-й день 10-го месяца, на 21-м году правления герцога Сина из Лу, то есть на 20-м году царствования императора Лиана, или в 551 году до н. э.[11].

Место рождения было в округе Цзоу, где Лянхэ был губернатором. Но честь месторождения Конфуция оспаривается двумя местами в двух разных частях этого округа.

Материал, который мы имеем о ранних годах жизни Конфуция, очень скуден. На третьем году его жизни умер отец. О Конфуции рассказывается, что когда он был мальчиком, то обыкновенно играл в разные священные действия и представлял всевозможные церемонии. О школьной его жизни мы не имеем сведений, которым можно было доверять. Сам он говорит о себе, что в пятнадцать лет ум его стал склоняться к учению[12], но семья его находилась в бедности. Впоследствии, когда люди удивлялись разнообразию его по-

знаний, он объяснял это, говоря: «Когда я был молод, положение мое было низким, и поэтому я старался изодрать свои способности во многом, но все это были пустяки»[13].

Когда ему было 19 лет, то он женился на девушке из государства Сун. В следующем году у него родился сын Ли. По случаю этого события герцог Чжао прислал ему в подарок пару карпов. Этим он показывал свое благоволение, почему сын Конфуция и был назван Ли, то есть карп. Впоследствии отец дал ему кличку Бо Юй, то есть первая рыба. О рождении других детей его нигде не упоминается, хотя мы знаем из «Разговоров» (5:1), что он имел по крайней мере одну дочь. То, что герцог Лу послал ему подарок по случаю рождения Ли, указывает, что он и тогда уже занимал известное общественное положение и пользовался известным уважением.

Вероятно, через год после своей женитьбы Конфуций занял первую общественную должность как хранитель зерновых магазинов, а в следующем году ему было поручено управление общественными полями и имуществом. Менций (Мэн-цзы) говорит об этом

периоде, что служба Конфуция поясняла учение его о том, что высший человек иногда может занимать должность ввиду своей бедности, но в таких случаях он должен стараться занимать должности низкие и не стремиться ни к чему иному, как только к скромному исполнению своих обязанностей. Согласно этому, Конфуций как смотритель магазина говорил: «Мои расчеты должны быть правильны, потому что ни о чем ином я больше и не забочусь». И когда он был управителем общественных полей, то говорил: «Быки и овцы должны быть сильны и жирны, и лучше других, потому что у меня нет ничего другого, о чем бы я заботился»[14]. Отсюда нельзя видеть, занимали ли эти должности Конфуций как государственные или же служил по найму у рода Цзи, в пределах юрисдикции которого он жил. Но подарок карпа герцогом заставляет предполагать первое.

Начало трудов Конфуция как учителя. Смерть его матери (530–526 годы до н. э.)

На 22-м году Конфуций выступил на учительском поприще. Дом его сделался убежищем для молодых пытливых умов, которые желали постигнуть учение древности. Как бы мала ни была плата, которую могли предложить ему ученики, он никогда не отказывал им в учении[15]. Все, чего он требовал, это горячее желание к совершенствованию и некоторая доля способностей. «Я не открываю истины, – сказал он, – тому, кто не жаждет приобрести знания, и не помогаю тому, кто не ищет понять самого себя. Когда я открою одну часть предмета кому-нибудь и он не может из этого понять трех остальных частей, то я не повторяю моего урока[16].

Мать его умерла в 528 году до н. э., и он решил, что тело ее должно лежать в том же самом месте, где был похоронен его отец, и что их общее место успокоения должно быть в Фане, первом жилище Куна в Лу. Но тут-то

и явилось затруднение: гробница его отца была уже двадцать лет у дороги Пяти Отцов, по соседству Цзоу; можно ли было перенести прах? Его облегчила в этом затруднении одна старуха по соседству, сказав ему, что гроб был положен в землю, как во временную обитель, а не погребен как следует. Узнав об этом, он выполнил свое намерение. Оба гроба были перенесены в Фан и положены в землю вместе без всякого промежутка между ними, что было обычаем в некоторых китайских королевствах.

Конфуций носил траур по своей матери согласно обычаю – три года, хотя этот период обыкновенно не соблюдался, на самом же деле носили двадцать семь месяцев. Спустя пять дней после окончания траура, он заиграл на флейте, но не мог петь. И лишь еще через пять дней он мог играть и петь.

Конфуций изучает музыку, посещает двор Чжоу и возвращается в Лу (526–517 годы до н. э.)

Когда траур по матери был окончен, Конфуций жил в Лу, но что он там делал – неизвестно. Вероятно, он продолжал поддерживать разных изыскателей, которых он раньше поощрил производить исследования по истории литературы и по изучению организации государства. В 524 году до н. э. глава небольшого государства Тань явился при дворе в Лу и на обеде, данном ему герцогом, произнес замечательную речь, в которой он обнаружил превосходное знание истории и древних порядков управления народом. В провинции Тань особенно почитали императора Чжао-хоу, ближайшего потомка Хуанди, и глава этого государства искренне думал, что знал все о том предмете, о котором шла речь. Конфуций, услышав об этом, дождался посетителя и разузнал от него все, что тот мог сообщить[17].

К 523 году до н. э. – когда Конфуцию было 29 лет, относится рассказ об изучении им музыки у знаменитого Ши Сяна. Когда ему исполнился уже 30-й год, он, как сам рассказывает нам, «стоял твердо»[18], то есть был тверд в своих убеждениях относительно тех предметов, которые он изучал и к которым ум его склонен был уже пятнадцать лет перед этим. Однако протекло еще пять лет, пока положение его как ученого и проповедника стало определенным, хотя по некоторым источникам можно догадаться, что все это время уважение и внимание к нему мыслящих людей и его родного государства все более и более возрастали.

На 24-м году царствования герцога Чжао в 517 году до н. э., один из главных министров Лу, известный под именем Мэн И, умер. Последний период жизни своей он с особенной болью видел свое невежество относительно исполнения церемоний и поставил себе задачей исправить это. На смертном ложе он обратился к своему главному чиновнику, говоря: «Знакомство с приличиями – это основа для человека. Без этого он не имеет средств

твердо стоять. Я слышал, что у нас есть Кун Цю, который хорошо постиг все это. Он происходит от мудрых, и хотя фамилия его была знаменита в Суне, между его предками был Фу Фухэ, который отказался от герцогства в пользу своего брата, и Чжэн Каофу, который прославился за свою скромность. Цан Хи заметил, что если мудрые люди, разумные, добродетельные, не достигают славы, то надо быть уверенным, что среди их потомства явятся славнейшие. Слова его теперь оправдываются. Я разумею Кун Цю. После моей смерти вы должны сказать Хэ Цзи, чтобы он пошел и изучал приличия у него». Вследствие этого завещания сын Мэн И[19] и брат его, а может быть только близкий родственник, по имени Наньгун Цзиншу делаютя учениками Конфуция. Богатство их и значение в государстве дают Конфуцию то положение, которого он раньше не занимал, и он говорит Цзиншу о своем желании, которое и раньше имел, посетить двор Чжоу для того в особенности, чтобы посоветоваться относительно обрядов и музыки с Лао Таном. Цзиншу доложил об этом герцогу Чжоу, который предоста-

вил коляску и пару лошадей в распоряжение Конфуция для этой поездки.

В это время двор Чжоу находился в городе Лои, теперешней части Хэнань, провинции того же названия. Состояние Китая в то время было аналогично с положением европейских королевств в феодальную эпоху. При начале династии различные княжества империи были отданы родственникам и приверженцам царствовавшей фамилии. Таким образом, существовало тринадцать более или менее важных княжеств и множество незначительных. В течение первого периода царствования династии, самого блестящего, император, или государь, был действительным главой над всеми начальниками и князьями, но с течением времени надзор этот свелся почти к нулю. Начальники, или князья, соответствовавшие европейским герцогам, графам, маркизам и баронам, ссорились и воевали между собой, и сильнейший между ними открыто не признавал своего подчинения государю. Подобное же положение вещей существовало в каждом отдельном государстве. В государствах этих существовали фамилии,

которые выделяли из себя по наследству министров, и те постепенно захватывали власть своих правителей, в свою очередь, часто были низвергаемых своими низшими чиновниками. Таково было состояние Китая во время Конфуция. Зная это, легче понять положение мудреца и те реформы, которые он хотел, как это мы увидим дальше, ввести.

Прибыв в Чжоу, он не имел аудиенции у двора или у кого-нибудь из главных министров. Он не был при дворе как политик, а лишь как исследователь обрядов и изречений основателей династии. Лао-цзы, которого он хотел видеть как известного основателя секты даосов-рационалистов, не согласных потом с последователями Конфуция, был тогда казначеем. Они встретились и обменялись мнениями, но вполне достоверной передачи их разговора не сохранилось. В пятой книге Ли-цзи, которая озаглавлена «Философ Цан спросил», Конфуций четыре раза обращается с вопросами к Лао-цзы относительно некоторых особенностей погребальных обрядов, и в «Семейных изречениях» (книга 24) он рассказывает Цзи Кану о том, что он слышал

от него относительно «пяти ди». Сыма Цянь, сочувственно относящийся к Лао-цзы, передает, что Лао-цзы читал Конфуцию поучения в таком роде: «Те, о которых вы рассказываете, умерли и кости их превратились в прах, остаются только их слова. Когда умный человек идет за веком, в котором живет, то подымается кверху, а когда он встает против него, то двигается так, как будто ноги его спутаны. Но слышал я также, что хороший купец, обладающий огромными богатствами, глубоко закопанными, кажется таким, как будто он беден, и что высший человек, добродетель которого совершенна, кажется внешнему миру глуповатым. Отрешитесь от вашего гордого вида и многочисленных желаний, от ваших причудливых привычек и дикого нрава. Это не даст вам никаких преимуществ. Это все, что я имею сказать вам».

С другой стороны, передают, что Конфуций так говорил своим ученикам: «Я знаю, как птицы могут летать, как рыбы могут плавать и как животные могут бегать, но бегущий может попасть в западню, плавающий может попасть на крючок и летающий может

быть застрелен в воздухе. Но вот есть дракон; я не могу передать, как он взлетает по ветру сквозь облака и подымается к небесам. Сегодня я видел Лао-цзы и могу сравнить его только с драконом».

Когда Конфуций был в Лои, то он ходил по земле, предназначенной для великих обрядов в честь неба и земли, осматривал изображения в доме Света, построенном для того, чтобы давать аудиенцию князьям государства, исследовал все устройства храма и дворца предков. Все это произвело на него глубокое впечатление. «Теперь, – сказал он со вздохом, – я познал великую мудрость герцога Чжоу и понял, как дом Чжоу достиг императорской власти». На стенах дворца Света были изображения древних государей от Яо и Шунь до современных. К картинам были приложены похвалы или угрозы. Тут же была картина герцога Чжоу, сидящего с ребенком, племянником, королем Чжэном на коленях и дающего аудиенцию всем князьям. Конфуций глядел на эту сцену с молчаливым восторгом и потом сказал своим последователям: «Вот вы видите здесь, как Чжоу сделался ве-

ликим. Точно так же, как мы пользуемся стеклом для того, чтобы исследовать форму вещей, так мы должны изучать древность для того, чтобы понять настоящее». Во дворце и храме предков находилась металлическая статуя человека с тремя застёжками у рта, а спина его была покрыта свертком, на котором была написана проповедь об обязанности быть осторожным в словах. Конфуций обратился к своим ученикам и сказал: «Заметьте это, дети мои, слова эти истинны и вполне соответствуют нашим чувствам».

Относительно музыки он производил исследования у Чжэн Хуана, к которому относится следующее замечание: «Я заметил у Чжун Ни много примет мудреца: у него глаза реки и лоб дракона, характерные особенности Хуанди: руки его длинные, спина у него, как у черепахи, и он девяти футов шести дюймов росту, совершенно похож на Тана успешного. Когда он говорит, он хвалит древних царей. Он ходит по путям скромности и вежливости. Он наслышан о всяком предмете и обладает чрезвычайной памятью. У него, кажется, неистощимые познания о вещах. Не воз-

рождается ли в нем мудрец?»

Приводим эти заметки о пребывании Конфуция при дворе Чжоу как единственные, которые найдены и которым можно доверять. Он недолго оставался при этом дворе и в том же году вернулся в Лу и продолжал трудиться, поучая других. Слава его сильно возрастала. С различных сторон к нему стекались ученики, и число их достигло наконец трех тысяч. Некоторые из них впоследствии прославились между его последователями. Нет никаких данных предполагать, что ученики его образовали общину и жили вместе. Быть может, некоторые из них и делали так.

После этого мы постоянно находим Конфуция среди общества восхищающихся им учеников. Но большая часть их должна была иметь свои собственные занятия и пути для добывания средств к жизни и, вероятно, приходила к учителю только тогда, когда хотела спросить у него особенного совета или поучиться.

Конфуций удаляется в Ци и возвращается снова в Лу в следующем году (516–515 годы до н. э.)

За год до возвращения Конфуция в Лу в государстве этом происходили большие беспорядки. В нем было три рода, неправильно породнившихся с герцогским домом и державших долгое время правителей в зависимом от себя состоянии. Они являются часто в «Разговорах» под именами Цзи, Шу и Мэн. И хотя Конфуций свободно говорил об их узурпаторстве[20], но он также был в некоторой зависимости от рода Ци и находился в частом общении с членами всех трех родов. В 516 году до н. э. герцог Чжоу стал в явно враждебные отношения с ними и, будучи побежден, убежал в государство Ци, прилегавшее с севера к государству Лу. Сюда также ушел и Конфуций, чтобы избежать начавшихся беспорядков на родине. Ци находилось тогда под управлением герцога, впоследствии провозгласившего себя королем, который «имел

тысячу упряжек, каждая из четырех лошадей, но в день его кончины народ не мог помянуть его ни одним добрым словом»[21]. Главным министром у него был, однако, Янь Ин, чрезвычайно способный и достойный человек. При дворе его сохранялась музыка древнего мудреца, императора Шуня, первоначально перенесенная в Ци из государства Цэнь.

Судя по «Семейным изречениям», по дороге в Ци случился инцидент, который может служить образчиком того, как Конфуций пользовался всяким случаем для беседы со своими учениками. Когда они проходили около горы Тай, они встретили рыдающую женщину, склонившуюся над могилой. Конфуций выглянул из своей коляски и, прислушавшись некоторое время к тому, что говорила женщина, послал Цзы Лу спросить у нее о причине ее горя. «Вы плачете, как если бы вы испытали печаль из печалей», – сказал Цзы Лу. Женщина отвечала: «Да, это так. Отец моего мужа погиб здесь от тигра, муж мой также, а теперь сына моего постигла та же участь». Конфуций спросил ее, почему она не ушла с этого места, и на ее ответ: «Потому

что здесь нет жестокого правительства», – обратился к своим ученикам и сказал: «Запомните это, дети мои, жестокое правительство гораздо хуже тигра».

Как скоро они перешли границу Лу, он тотчас же заметил по походке и манерам мальчика, который нес кувшин, влияние музыки древних и приказал кучеру своему торопиться ехать в столицу. Прибывши туда, он услышал мелодию и так был поражен ею, что в течение трех месяцев не мог испытывать вкуса пищи. «Я не думал, – сказал он, – что может быть такая прекрасная музыка, как эта». Герцогу Цзину поправились беседы с ним, и он предложил ему управлять городом Линцю, от доходов которого он мог бы получать значительную поддержку для себя; но Конфуций отказался от этого предложения и сказал своим ученикам: «Высший человек должен получать награду только за те услуги, которые он оказал. Я подал совет герцогу Цзину, а он, еще не послушав его, захотел одарить меня таким местом. Он очень далек от понимания меня».

Однажды герцог спросил его по поводу

управления и получил характерный ответ: «Существует правление, при котором князь есть князь, министр есть министр, когда отец есть отец, а сын есть сын»[22]. Однажды, когда Цзы Лу спрашивал Конфуция, что бы он считал более всего необходимым, если бы ему было вверено управление государством, Конфуций ответил: «Надо под словами понимать то, что они действительно означают»[23] Ученик понял, что ответ был широк по своему значению, но он был в сущности тот же самый, который был сказан герцогу Цзину. Природа обладает совершенно достаточными данными для того, чтобы можно было управлять при всевозможных общественных отношениях. Если то, что дала нам природа, поддерживать и развивать согласно его истинному значению, то можно было уверенным, что овладеешь хорошим управлением. Это и было первым принципом в политической этике Конфуция.

Что касается «исправления имен», то исправление означает здесь то, чтобы назвать вещи их именами, люди же всегда склонны этого не делать и путать понятия; добро назы-

вать злом и наоборот.

В другой раз герцог на подобный же вопрос получил ответ, что искусство управления лежит в экономном пользовании доходами, и, так как такое рассуждение ему понравилось, он решил удержать философа в своем государстве и предложил ему управлять полями Ниси. Его главный министр Янь Ин разубедил его, однако, в этом намерении, говоря: «Все эти ученые люди не практичны, их нельзя слушать. Они высокомерны и самодовольны в своих мудрствованиях и не удовольствуются низкими местами. Они придают высокую ценность всем похоронным обрядам, предаются часто своей печали и растрачат свое имущество на роскошные похороны, так что будут только вредны для нашей жизни. У этого господина Куна тысячи странностей. Нужны целые поколения, чтобы разобраться в его учении о церемониях: о том, как идти вверх и как идти вниз. Теперь не время рассуждать о его правилах приличия. Если вы, государь, желаете воспользоваться им для того, чтобы переменить привычки Ци, то вы при этом не ставите первой

заботой ваш народ»[24]. Может быть, слова эти и не принадлежали Янь Ину, но они должны представлять довольно точно чувства многих государственных деятелей эпохи Конфуция. Герцог Ци вскоре устал иметь у себя такого учителя и заметил: «Не могу я обходиться с ним, как обходился бы с начальником рода Цзи». Наконец, он сказал: «Я стар, не могу пользоваться его учением[25]. Замечания эти высказывались прямо Конфуцию или доходили до его слуха[26]. Самоуважение не позволяло Конфуцию оставаться дольше в Ци, и он вернулся в Лу.

Конфуций находится без должности в Лу (515–501 годы до н. э.)

Вернувшись в Лу, он оставался долгий период, около пятнадцати лет, без всякой общественной должности. Это было во время больших беспорядков. Герцог Чжао все еще находился в бегстве в Ци, правительство было в руках знатных родов до самой его смерти в 509 году до н. э., когда законного наследника отстранили, а другого члена герцогского дома, известного под именем Дин, возвели на престол. Таким образом, власть династии еще более ослабела, чем прежде; с другой стороны, начальники родов – Цзи, Шу, Мэн – едва могли держаться против своих собственных чиновников. Между последними в особенности были опасны Ян Ху и Гуншань Фужао. Одно время Цзи Хуань, наиболее могущественный среди начальников, был посажен Ян Ху в темницу и вынужден был заключить с ним условие, для того чтобы получить свободу. Конфуций никому не отдавал предпочтения, никого не одобрял и тщательно избегал этих начальников. О том, как он держал

себя между ними, мы имеем указания в «Разговорах» (17:1). Ян Ху пожелал видеть Конфуция, но Конфуций не пошел повидаться с ним. Тогда Ян Ху послал в подарок Конфуцию свинью, а этот, выбрав время, когда Ху не было дома, отправился к нему, чтобы отплатить ему визитом за его подарок. Однако он встретил его по дороге. «Пойдемте со мной, позвольте мне поговорить с вами, – сказал чиновник, – может, ли быть назван благочестивым тот, кто держит свои драгоценности за пазухой и оставляет семью свою погрязшей в раздорах?» Конфуций отвечал: «Нет». «Может ли быть назван мудрым тот, кто стремится заниматься общественными делами и постоянно теряет возможность сделать это?» Конфуций опять сказал: «Нет». Собеседник его добавил: «Дни и месяцы проходят. Годы не будут ждать вас». Конфуций сказал: «Правильно, я желаю занять должность». Китайские писатели красноречивы в своей похвале мудреца за сочетание вежливости, приветливости, твердости, которые он проявил в этом деле. Для Конфуция, однако, было хорошо, что все эти пятнадцать лет он был свобо-

ден от общественных занятий. Он воспользовался ими лучше, занявшись изысканиями в области поэзии, истории, обрядов и музыки. Множество учеников продолжало посещать его, и нам передают, как он пользовался их услугами, перерабатывая результаты своих занятий.

К этому же периоду мы должны отнести единственный рассказ о разговоре Конфуция со своим сыном Ли. «Слышали ли вы от вашего отца какой-нибудь урок, отличный от того, что все мы слышали?» – спрашивал однажды один из учеников его Ли. «Нет, – сказал Ли, – он однажды стоял один, когда я переходил поспешно через двор и сказал мне: «Читал ли ты оды?» На мой ответ, что еще нет, он прибавил: «Если ты не изучишь оды, ты не будешь годен, чтобы разговаривать со мною». В другой раз в том же самом месте и при тех же обстоятельствах он сказал мне: «Читал ли ты о правилах приличия?» На ответ, что нет, он прибавил: «Если ты не изучишь правил приличия, ты не можешь установить своего характера. Только эти две вещи и слышал я от него». Ученик был восхищен и заметил:

«Я спрашивал об одной вещи и получил три. Я услышал и относительно отца, и относительно правил приличия, узнал я также, что высший человек держит своего сына на почтительном расстоянии»[27].

Легко можно поверить, что это почтительное расстояние было тем правилом, которому Конфуций обыкновенно следовал при обхождении со своим сыном. Торжественная важность есть то качество, которого отец должен держаться. Не следует исключать при этом любезность, но она не должна выходить из особо назначенных для этого пределов. При этом, однако, мало места остается для игр и развития естественных чувств к детям.

В это же время произошел развод Конфуция с его женой, если только он имел место вообще, так как это спорный пункт. Любопытный читатель найдет обсуждение этого вопроса в примечаниях ко второй книге Ли-цзи. Но все данные заставляют считать неверным предположение, что Конфуций отпустил свою жену. Когда она умерла, Ли громко рыдал о ней установленный для этого период до тех пор, пока Конфуций не прислал

к нему записки, убеждавшей его, что он должен подавить свою печаль, и послушный сын осушил свои слезы[28]. Но в одном случае, именно по поводу смерти своего любимого ученика Янь Хуэя, Конфуций дал волю слезам, которые текли без меры и вне всяких пределов приличия[29].

Конфуций занимает должность (500–490 годы до н. э.)

Мы подходим к короткому периоду чиновной жизни Конфуция. В 501 году события дошли до своего апогея, и соперничество между начальниками главных трех родов и их министрами окончилось поражением последних. В 500 году до н. э. средства Ян Ху истощились, и он убежал в Ци, так что государство освободилось, наконец, от главного зачинщика волнений, и Конфуцию теперь можно было бы занять место, если бы только представился случай. Случай этот скоро представился, и в конце этого года он был сделан начальником городского управления в Чжунду. Перед самым его назначением случилось следующее обстоятельство. Когда Ян Ху убе-

жал в Ци, Гуншань Фужао, который и раньше был верен ему, продолжал поддерживать восстание и поднял город Пи против рода Ци. Отсюда он послал письмо Конфуцию, приглашая его присоединиться к нему, и мудрец, кажется, был склонен идти туда, но ученик его Цзы Лу восстал против этого, говоря: «Нет, вы не можете идти туда. Зачем вам думать о свидании с Гуншанем?» Конфуций отвечал: «Неужели нет никакой причины в том, что он приглашает меня? Если кто-нибудь будет пользоваться мною, разве не могу я достичь тогда того, чего хочу?»[30]. На самом деле он, однако, не пошел, и нельзя предполагать, что желание пойти было у него серьезно. Между серьезным тоном бесед его с последователями можно встретить примеры шуток и того, как он забавлялся тем, что могут сказать о нем ученики. Вероятно, этот разговор был одним из подобных.

Как глава администрации Чжунду он произвел заметные перемены в жизни народа в самое короткое время. Согласно «Семейным изречениям», он издал правила о том, как кормить все живое и как почитать умер-

ших. Различная пища была предназначена для стариков и молодых и различные тяжести для сильных и слабых. На улицах мужчины и женщины находились отдельно одни от других. Если что-нибудь роняли на дороге, то не должно было поднимать. Не должно быть никакого обмана при постройке кораблей. Внутренние гробы делались четырехдюймов толщины, а внешние – пяти. Могилы делались на высоких местах. Никаких памятников над ними не ставили и никаких растений около них не сажали. И не прошло двенадцати месяцев, как князья государств пожелали подражать его способу управления.

Герцог Дин, удивленный всем тем, что он видел, спрашивал: «Неужели можно пользоваться его правилами при управлении целым государством?» И Конфуций сказал ему, что они должны быть применяемы даже при управлении всей империей. Вследствие этого герцог назначил его главным помощником смотрителя работ, и в этой должности он наблюдал за государственными землями и сделал много усовершенствований в земледелии. После этого его быстро сделали мини-

стром уголовных дел, и это назначение буд-то бы сразу положило конец преступлениям. Не было никакой необходимости приводить в исполнение уголовные законы: не появлялось никаких обидчиков.

Однако все эти напыщенные похвалы едва ли имеют какое-нибудь значение. Один инцидент, рассказанный в объяснениях Ван Су по поводу Кун Цю, заслуживает нашего доверия как вполне соответствующий характеру Конфуция. Так, начальник Цзи, будучи во вражде с герцогом Чжао, уже после смерти того, расположил его гробницу вдали от гробниц своих предшественников, а Конфуций окружил герцогское кладбище канавой так, чтобы включить сюда и эту уединенную гробницу, смело говоря этому начальнику, что он сделал это для того, чтобы скрыть озлобление того. Но в особенности он выказал себя в 499 году отношением своим в разговоре между герцогами Лу и Ци. Конфуций присутствовал как учитель обрядов со стороны Лу, и встреча была чрезвычайно миролюбива. Два князя хотели образовать подходящий союз. Главный чиновник со стороны Ци, прези-

рая, однако, Конфуция как человека «всево-
можных церемоний и без всякого мужества»,
советовал своему господину заключить гер-
цога Лу в тюрьму, и с этой целью толпа полу-
диких обитателей этого места с разными ору-
диями приблизилась к тому месту, где нахо-
дились два герцога. Конфуций понял замысел
и сказал противникам: «Оба наши князя со-
брались для мирной цели. Привести с вашей
стороны толпу диких вассалов, чтобы рас-
строить встречу, – это недостойно того пути,
каким Ци хотел бы дать законы князьям
для управления империей. Этим варварам
нет дела до нашей великой, изобилующей
цветами земли. Подобные вассалы не могут
вмешиваться в наши договоры. Не подобает
быть оружием при такой встрече. Такое пове-
дение неприлично перед духами. Оно непра-
вильно с человеческой точки зрения». Герцог
Ци приказал удалиться этим нарушителям
спокойствия. Но Конфуций тоже ушел, уведя
с собой герцога Лу. Однако переговоры про-
должались, и когда слова договора со стороны
Цзи были прочтены: «Итак, надлежит Лу, что-
бы он прислал триста военных колесниц

на помощь Цзи, когда армия его пересечет границу», – посланник от Конфуция прибавил: «И надлежит это нам, если мы будем повиноваться вашим приказаниям, даже если вы не вернете нам полей наших к югу от Вана». В конце этих церемоний, по заключении союза, князь Цзи пожелал дать большой пир, но Конфуций указал, что таковой был бы противен установившимся правилам приличия; главной же целью его было спасти своего государя от опасности. На этом обе партии расстались. Партия Ци ушла с позором, как одуроченная «человеком обрядов», а в результате явилось то, что земли Лу, отошедшие было к Ци, снова перешли к Лу.

Еще два года Конфуций занимал должность министра уголовных дел. Некоторые предполагают, что он потом сделался главным министром государства, но едва ли это так. Один пример того, как он исполнял обязанности, стоит рассказать. Когда какое-нибудь дело поступало к нему, он собирал мнения различных лиц по этому поводу и, давая свое суждение, говорил: «Я решаю сообразно со взглядами таких-то и таких-то». В этом он

приближался к нашей юридической системе, и целью его было снискать общие симпатии и внести в судейские дела общественное начало. Однажды отец стал обвинять своего сына. Конфуций заключил в тюрьму обоих их на три месяца, не сделав никакой разницы в пользу отца, а затем пожелал отпустить их обоих. Глава рода Цзи не удовлетворился этим и сказал: «Вы играете со мной, г. министр уголовных дел. Раньше вы говорили мне, что в государстве или в семье главным образом надо настаивать на сыновнем долге. Что же мешает вам теперь казнить смертью этого неверного сына, чтобы показать пример всему народу?» Конфуций со вздохом отвечал: «Когда высшие люди не исполняют своего долга и при этом низших своих казнят смертью, то это несправедливо. Этот отец не научил своего сына относиться к нему с почтением, и если послушать его обвинения, то это значило бы наказать невинного. Привычки, которые создались в этом веке, очень дурны, и мы не можем не ожидать, что при них народ будет нарушать законы».

В это время двое из его учеников, Цзы Лу

и Цзы Ю, поступили на службу к роду Цзи и стали влиять, в особенности первый, в пользу проведения планов своего учителя. Одной из причин происходивших в государстве беспорядков были укрепленные города, принадлежавшие трем начальникам родов, в которых они сами могли держаться, но при посредстве которых и их самих могли победить их чиновники. Города эти были наподобие дворцов баронов в Англии во времена нормандских королей. Конфуций задумал разрушение их, и, частью благодаря его влиянию и убеждению, частью благодаря настойчивым советам Цзы Лу, он выполнил свое намерение по отношению Би, главного города Ци, и Хо, главного города Шу.

Кажется, он не успел в своих намерениях относительно разрушения Чэна, главного города Мэна, но все же авторитет его в государстве значительно возрос. Он усилил герцогский дом и ослабил другие знатные роды. Он возвысил государя и уменьшил влияние министров. Вести о преобразованном правлении распространились за пределы государства. Стали стыдиться нечестности и распу-

ценности. С этих пор, рассказывают летописи, лояльность и доверие стали характеризовать людей; целомудрие и привязанность к дому характеризовали женщин. Толпами стекались путешественники из других государств. Конфуций сделался идолом народа, и о нем распевали песни.

Но скоро все это кончилось. Как только слава о реформах в Лу распространилась за его пределами, соседние принцы начали бояться. Герцог Цзи сказал: «Если Конфуций будет во главе государства, Лу скоро делается главным между государствами и Цзи, самый ближайший к нему, будет им проглочен. Давайте постараемся уничтожить влияние его у герцога». С этой целью по предложению одного министра они задумали следующий план: были выбраны восемьдесят прекрасных девушек и с музыкой вместе со ста двадцатью лучшими лошадьми, каких только можно было найти, посланы в подарок герцогу. Их подвели к городу. Цзи Хуань нарядился и, выйдя посмотреть на них, совершенно забыл про уроки Конфуция и пригласил герцога поглядеть на приманку. Оба пленились. Жен-

щины были приняты, а мудрецом пренебрегли. В течение трех дней герцог не принимал своих министров.

«Учитель, – сказал Цзы Лу Конфуцию, – вам пора уходить». Но Конфуций не хотел оставлять этого места. Приблизилось время великих церемоний небесам, и он решил подождать и посмотреть, вернется ли рассудок хотя бы на это время герцогу. Но все было по-прежнему. Со всеми обрядами очень спешили и не послали части приношений различным министрам, как это было установлено обычаем. Конфуций с сожалением решился на отъезд. Медленно приготавливаясь к отбытию, он думал, что его позовут назад. Но герцог не обратил на это внимания, и мудрец ушел и провел следующие тринадцать лет в бездомном скитании по различным государствам.

Конфуций скитается по государствам (496–483 годы до н. э.)

Оставив Лу, Конфуций сначала направил свои стопы на запад государства Вэй. Ему теперь шел 56-й год, и он чувствовал себя удрученным и грустным. Во время своего пути он дал своим чувствам вылиться в стихах. «Охотно посмотрел бы я на Лу, но гора Квей отрезала землю от моего взора. Я прорубил бы кустарник насквозь топором, но, увы, напрасные мысли, я ничего не могу поделать против горы». И опять: «По долине завывает ветер, мелкий дождь зачастил; идет домой молодая невеста через пустыню; толпы идут по сторонам ее. Как это так, о, лазурное небо, что я, выгнан из моего дома и должен пролагать свой путь по стране, не зная, где будет мое жилище. Темные, темные умы у людей, достойные люди напрасно приходят к ним! А предел моей жизни близок, наступает разрушительная старость».

Его сопровождали ученики, и печаль Кон-

фуция передалась им. Когда они прибыли на границу Вэй, в место, называемое И, губернатор искал свидания с Конфуцием и, вернувшись от мудреца, старался утешить их, говоря: «Друзья мои, почему вы так опечалены тем, что учитель ваш потерял должность? Государство долго находилось без правил истины и справедливости; небеса хотят воспользоваться вашим учителем, его как колокол привешенным языком[31]. Таковы были мысли этого дружеского чужеземца. Колокол действительно звонил, но мало было ушей, которые бы его слышали.

Тем не менее слава Конфуция распространилась далеко перед ним, и он не должен был опасаться, что будет страдать от нужды. По прибытии в столицу Вэй он сначала помещился у очень достойного чиновника Ян Чою[32]. Царствующий герцог, известный нам под именем Лин, был недостойный развратный человек, но он не мог тоже пренебречь таким значительным посетителем и вскоре назначил Конфуцию жалование в шестьдесят тысяч мер зерна.

Здесь Конфуций оставался в течение деся-

ти месяцев, но по некоторым причинам оставил страну эту и ушел в Чэнь. По дороге ему нужно было проходить Куан – то место, где, вероятно, теперь департамент Чанхуань в Хэнани, который раньше страдал от Ян Ху. Случилось так, что Конфуций очень был похож на Ху, и внимание людей невольно привлекала его колесница, так как все думали, что в ней ехал их старый враг, и они устроили на него нападение. Последователи его были встревожены, но он был спокоен и старался ободрить их, говоря, что он твердо верит в свою божественную миссию. Он сказал им: «Разве после смерти Вэня не обитает во мне истина? если бы небо желало, чтобы истина погибла, тогда бы и я не имел такой любви к этой истине. А пока небо не дает погибнуть истине, что может сделать со мной народ Куана»[33]. Ускользнув из рук нападавших, он, кажется, отложил в сторону намерение свое идти в Чжэн и вернулся в Вэй.

По дороге он проходил мимо дома, где он раньше жил, и, найдя, что хозяин умер и совершались погребальные церемонии, он пошел туда, чтобы выразить соболезнование

и поплакать. Когда он выходил, то приказал Цзы Гуну взять одну из лошадей и его экипаж и дал это в виде взноса на расходы, вызванные погребением. «Вы никогда не делали подобного, – возразил ему Цзы Гун, – при погребении кого-нибудь из ваших учеников. Не слишком ли велик подарок в данном случае?» «Когда я пошел туда, – отвечал Конфуций, – то мое присутствие вызвало взрыв печали у главного плакальщика, и я присоединился к нему со слезами. Я не люблю вспоминать о моих слезах, если при этом не было что-нибудь сделано. Исполни же мое желание, дитя мое»[34].

Достигнув Вэй, он поселился с чиновником, о котором дается очень хороший отзыв в «Разговорах»[35]. Но в этот период времени он не долго оставался в государстве. Герцог вскоре женился на девушке из дома Сун, известной под именем Нань-цзы, прославившейся за ее интриги и дурное поведение. Она искала свидания с мудрецом, на что тот неохотно согласился. Без сомнения, он и в мысли своей не допускал сделать какое-нибудь зло, но Цы Лу был чрезвычайно

разочарован, что учитель его мог находиться в обществе такой женщины, и Конфуций, чтобы разуверить его, поклялся, говоря: «Если я сделал что-нибудь нечестивое, то пусть отвергнут меня небеса»[36]. Он, однако, не мог оставаться при таком дворе.

Однажды герцог поехал по улицам своей столицы в экипаже с Нань-цзы и заставил Конфуция следовать за ним в другом экипаже. Вероятно, он намеревался почтить философа, но народ увидел все несоответствие катающихся и закричал: «Порок впереди, добродетель сзади». Конфуцию стало стыдно, и он сделал такое замечание: «Не видел я ни одного, кто любил бы добродетель так же, как он любит красоту»[37]. Ему неудобно было оставаться в Вэй, он оставил его и направился в Чжэн.

Чжэн, который составлял часть теперешней провинции Хунань, лежит к югу от Вэй. Проехав небольшое государство Цай, Конфуций приблизился к границам Сун, и даже имел намерение попасть туда, но случился инцидент, который нелегко понять из того, как он передается, но который дал повод про-

изнести замечательное изречение. Конфуций исполнял обряды со своими учениками в тени большого дерева. Хуань Туй, злой чиновник Суна, услышал об этом и послал толпу людей срубить дерево и убить философа... Ученики были очень встревожены, но Конфуций заметил: «Небеса произвели добродетель, которая находится во мне; что же может сделать Хуань Туй со мной?»[38]

Все они избегли опасности, но, кажется, уехали к западу в государство Чжэн. Прибыв к воротам, Конфуций нашел себя отделенным от своих последователей. Цзы Гун явился в государство еще до него, и один из жителей Чжэна рассказал ему, что у восточных ворот стоит человек, у которого лоб как у Яо, шея как у Гао Яо, плечи его также высоки, как у Цзы Чаня, но он немного ниже Юя, у него вообще вид заблудившейся собаки. Цзы Гун узнал, что это был его учитель, поспешил к нему и повторил, к его большому удовольствию, то описание, которое он слышал от этого человека. «Телесная внешность, – сказал Конфуций, – это пустяки, но что я был похож на скитающуюся собаку,

это великолепно!»

Они не долго оставались в Чжэн, и в конце 495 года Конфуций был уже в Чэнь.

Весь следующий год он оставался там, живя у начальника городской стены, очень достойного чиновника, но мы не имеем никаких сведений о нем, которые стоило бы здесь передавать[39].

В 493 году до н. э. Чэнь испытал много волнений вследствие нападения со стороны У, большого государства, и Конфуций решил направиться в Вэй. По дороге он был задержан в месте, называемом Пу, в котором находился восставший против Вэй чиновник; для того чтобы его выпустили, он должен был обещать, что не пойдет туда. Тем не менее он продолжал прежний путь. Когда Цзы Гун спросил его: «Разве правильно нарушать клятву, которую он дал?» – он отвечал: «Это была вынужденная клятва, духи таковой не слушают»[40].

Герцог Лин принял его с честью, но не интересовался его уроками, и Конфуций, говорят, тогда стал так жаловаться: «Если бы нашелся кто-нибудь из князей, кто взял бы меня

на службу, то в течение двенадцати месяцев я сделал бы что-нибудь замечательное, а в три года управление было бы совершенно»[41].

В то время случилось обстоятельство, которое обратило его внимание на государство Цинь, простиравшееся по Желтой реке в Хэнань. Конфуций получил приглашение, подобное тому, которое он раньше получил от Гуншань Фужао. Чиновник из Чэня, под управлением которого был город и который восстал против своего начальника, приглашал Конфуция посетить его, Конфуций был склонен идти туда. В таких случаях он всегда совещался с Цы Луу. Тот сказал ему: «Учитель, я слышал, что вы говорите, что когда человек делает что-нибудь дурное, то высший человек не присоединяется к нему. Би Хэ – повстанец. Если вы пойдете к нему, что станут говорить?» Конфуций отвечал: «Да, я употреблял эти слова, но разве не очевидно, что если что-нибудь действительно устойчиво, то его можно поставить, не делая его тоньше, и если что-нибудь действительно бело, то оно может быть вымочено в темной жидкости, не сделавшись черным? Разве я

горькая тыква? И в таком случае неужели должно меня подвесить, вместо того чтобы съесть?»[42].

Странно звучат подобные слова в его устах. Однако же он не пошел к Би Хэ и, дойдя до Желтой реки и стараясь повидать там одного из главных министров Чэня, услышал о насильственной смерти двух достойных людей и вернулся в Вэй, оплакивая судьбу, которая помешала ему перейти реку, и пытаясь утешить себя поэзией, как он некогда делал это, покидая Луу. Снова он вошел в сношения с герцогом, но ему не понравилось то, что тот начал его спрашивать по поводу военных действий, и он покинул его и ушел обратно в Чэнь.

Он оставался в государстве Чэнь весь следующий год (491); в это время не случилось ничего, что следовало бы отметить.

В это время в Лу произошли такие события, результатом которых явилось возвращение Конфуция в родное государство. В 494 году умер герцог Дин; Цзи Хуань, начальник рода Цзи, тоже умер в этом же году. На своем смертном ложе он почувствовал угрызение

совести за свое отношение к Конфуцию и заставил своего наследника, известного в «Разговорах» как Цзи Кан, призвать мудреца. Но приказание это не было немедленно исполнено. Цзи Кан по совету одного из своих чиновников послал за учеником Конфуция Жань Ю. Конфуций охотно отослал его к Цзи Кану и с удовольствием бы сопровождал его. «О, если бы мне вернуться, – сказал он, – если бы мне вернуться!»[43] Но этого не случилось еще в течение нескольких лет.

В 490 году, сопровождаемый по обыкновению некоторыми из своих учеников, он пошел в Цай, маленькое государство, зависевшее от Чу. По дороге между Чэнь и Цай у них истощились припасы и как-то случилось так, что они не могли достать новых. Ученики изнемогали от голода, и Цы Лу сказал учителю: «Неужели высший человек должен терпеть такие испытания?» Конфуций отвечал ему: «Да, высший человек должен испытать голод, но обыкновенные люди, когда они находятся в нужде, дают волю своей разнузданности, высший же человек не придает голоду особенного значения»[44]. Согласно «Семейным

изречениям», затруднение продолжалось семь дней, в течение которых Конфуций сохранял спокойствие, даже был весел, играя на инструменте. У него, однако, осталось сильное впечатление от той опасности, которой он подвергался; впоследствии мы видим, что он возвращался к этому и сожалел, что из всех друзей, которые были с ним в Чэне и Цае, не было ни одного, который бы жил с ним потом.

Избегнув этого затруднения, он оставался в Цае весь 489 год, и в следующем году мы находим его в Шэ, другому округе Чу, начальник которого присвоил себе титул герцога. Озадаченный этим посещением, начальник спрашивал Цы Луу, что учитель думал о нем, но ученик не осмелился ответить. Когда Конфуций услышал об этом, то он сказал Цы Луу: «Почему вы не сказали ему? Он просто человек, который в тщетной погоне за знанием забывает свою духовную пищу, который от радости, что он достиг этого, забывает про печали и который не замечает, что старость на-двигается»[45].

Впоследствии в разговоре с Конфуцием

герцог спрашивал его насчет управления и получил ответ, продиктованный, очевидно, обстоятельствами, которых мы не знаем: «Хорошее управление достигается тогда, когда те, кто находится близко, делаются счастливыми и те, кто находится далеко, привлекаются к нему»[46]. После короткой стоянки в Шэ он вернулся в Цай и, так как ему предстояло переехать реку, послал Цы Лу расспросить о броде двух людей. Это были отшельники – люди, которые удалились от общественной жизни вследствие отвращения к тогдашним порядкам. Одного из них звали Чан Цзюй; вместо того чтобы дать те указания, которых желал Цы Луу, он спросил его: «Кто это такой, который держит вожжи в экипаже?» – «Это Кун Цю». – «Кун Цю з Луу?» – «Да», – был ответ. И тогда отшельник сказал: «Он знает брод».

Цы Лу обратился к другому, которого называли Цзени, но вместо ответа получил вопрос: «Кто вы, сударь?» Он отвечал: «Я Чжун Ю». – «Чжун Ю, ученик Кун Цю з Луу?» – «Да», – отвечал опять Цы Луу. Цзени обратился к нему: «Беспорядок, как всепогло-

цающий поток, разлился по всему государству, и кто же это изменит ради вас? Вместо того чтобы следовать за тем, кто удаляется то от одного, то от другого, не лучше ли для вас было последовать тем, кто совершенно удалился от мира?» Вместе с этими словами он принялся за свое дело и не дал больше никаких указаний страннику. Цы Лу вернулся назад и передал о том, что они сказали, но Конфуций оправдал свои стремления, говоря: «Невозможно соединиться с птицами и животными, даже если бы они были такие же, как и мы. Если бы я не присоединился к народу, к человечеству, то к кому бы я должен был присоединиться? Если возьмут верх справедливые начала в государстве, мне не нужно будет менять их положение»[47].

Около этого же времени он встретился с другим отшельником, который был известен под именем «юродивого из Чу». Он проходил около экипажа Конфуция, напевая: «О, Фун, о, Фун, как извращена твоя добродетель. По отношению прошлого упреки бесполезны, но будущее может быть исправлено. Откажись, откажись от своих напрасных пла-

нов». Конфуций был восхищен и пожелал поговорить с ним, но человек этот поспешил уйти от него[48].

Но теперь внимание правителя, Цу-короля, как он называл себя сам, было обращено на знаменитого иностранца, который был в его владениях, и он встретил Конфуция и сопровождал его в свою столицу. По истечении некоторого времени он предложил в подарок философу значительную долю территорий, но его разубедил первый министр, который сказал ему: «Разве Ваше Величество имеет какого-нибудь чиновника, который мог бы исполнить обязанности посланника, как Цзы Гун, или кого-нибудь другого, столь способного быть премьером, как Ян Хуэй, или кого-нибудь, кто мог бы сравниться, как генерал, с Цы Луу? Короли Ван и Ву, начав со своих наследственных владений в сотню ли, достигли господства над целой империей. Если Конфуций со своими учениками в качестве министров будет обладать какой-нибудь территорией, то это не будет служить во благо Цзи. Вследствие такого представления король отказался от своей мысли; когда он умер,

в том же году. Конфуций оставил это государство и ушел обратно в Вэй.

Герцог Лин умер уже несколько лет перед тем, вскоре после того как Конфуций расстался с ним в последний раз, и царствующий герцог Чу был его внуком и спорил за господство над государством со своим собственным отцом. Отношения между ними были очень сложны. Отец был выгнан вследствие покушения, которое он замыслил на жизнь своей матери, знаменитой Наньцзы, и престол был передан его сыну. Впоследствии отец заявил притязания на то, что он считал своим правом, и наступила борьба. Герцог Чу знал, насколько дело его выиграло бы, если бы он получил поддержку Конфуция, и вследствие этого, когда он пришел в Вэй, Цы Лу сказал ему: «Князь Вэй ждет вас для того, чтобы вы управляли государством. Что считаете вы необходимым сделать в самом начале для этого?»[49] Мнение философа, однако, было против того направления, которое принял герцог, и он отказался принять должность у него, хотя и оставался в Вэй около пяти или шести лет. В течение этого времени ни-

чего не сохранилось о его жизни. В самый год его возвращения, судя по «Летописям государства», его самый любимый ученик Янь Хуэй умер, и он по этому случаю воскликнул: «Увы, небеса разрушают меня! Небеса разрушают меня!»[50] Смерть жены Конфуция относят к 484 году до н. э., но в летописях не сохранилось ничего, чтобы можно было рассказать об этом длинном периоде жизни Конфуция.

От возвращения Конфуция в Лу до его смерти (483–478 годы до н. э.)

Возвращение его в Лу было устроено учеником Жань Ю, который как мы уже видели, отправился служить к Цзи Кану в 491 году до н. э. В 483 году Ю участвовал в военных действиях против Цзи, и так как он их вел успешно, то Цзи Кан спросил его, как он обучился военному делу, было ли это естественным его свойством, или же он его изучил? Он отвечал, что изучил его от Конфуция, и распространился в необычайных похвалах этому философу. Начальник объявил, что он желал бы пригласить Конфуция опять домой в Лу. «Если вы так сделаете, – сказал уче-

ник, – то берегитесь и не позволяйте, чтобы посредственные люди становились между вами и им». Вслед за этим Кун послал трех чиновников с соответствующими дарами в Вэй пригласить скитальца домой, и он вернулся с ними.

Событие это случилось на одиннадцатом году герцогства герцога Гэ, который наследовал Цзину, и, по словам Кун Фу, потомка Конфуция, приглашение исходило именно от него. Мы можем предположить, что в то время как Цзи Кан придумал это, он представил свои мысли на одобрение герцога. Событие это случилось в весьма подходящее время. Только перед этим у философа спрашивал совета один чиновник Вэй о том, как ему надо поступать при ссоре с другим чиновником, и так как Конфуцию не понравилось, что к нему отнесли по такому предмету, то он приказал запрячь свою коляску и готовился уже оставить государство, восклицая: «Птица выбирает себе дерево, а не дерево гонится за птицей». Кун Ван пробовал было извиниться и убедить Конфуция остаться в Вэй, но в этот самый момент явились посланники

з Луу.

Конфуцию шел теперь 69-й год. Мир к нему не был слишком любезен. В каждом государстве, которое он посещал, он встречал какое-нибудь разочарование или горе. Конфуцию оставалось еще пять лет жизни, но и они не были радостнее его прошлого. Действительно, он достиг того состояния, как он говорит нам, в котором он мог следовать влечениям своего сердца, не отступая от того, что он находил правильным[51]; но другие люди тем не менее не были склонны поступать по его советам. Герцог Гэ и Цзи Кан часто беседовали с ним, но он не имел веса в управлении государственными делами, и мудрец решил заняться окончанием своих литературных трудов. Он написал, говорят, предисловие к Шу-цзин, тщательно продумал все обряды и церемонии, установленные мудростью древних королей и мудрецов, собрал и привел в порядок древнюю поэзию и предпринял реформу музыки. Он сам говорит нам: «Я вернулся из Вэйв Луу, и тогда была реформирована музыка, и обрывки императорских песен и похвальных песен были приведены

в должный порядок»[52]. Он посвятил много занятий И-цзину, и Сыма Цянь говорит, что кожаные ремешки, которыми таблички его книг были связаны между собою, трижды износились. «Если бы можно было прибавить еще несколько лет к моей жизни, – сказал он, – я мог бы отдать 50 лет на изучение. И только тогда, пожалуй, я мог бы сделать работу без больших ошибок»[53]. В продолжение этого времени, можно предполагать, он снабдил Цзэн Цзы материалами для классической книги о сыновнем благочестии. В том же году, как он вернулся, Цзи Кан послал Жань Ю спросить его мнения насчет дополнительных налогов, которые он хотел установить для народа, но Конфуций отказался дать какой-нибудь ответ, рассказав своему ученику причины своего неодобрения предполагаемой меры. Она, однако, была приведена в исполнение на следующий год при посредстве Ю, по случаю чего, должно быть, Конфуций и сказал своим ученикам: «Он не мой ученик. Бейте в барабан, мои милые дети, говорите против него»[54]. 482-й год был отмечен смертью сына его Ли.

Весной 480 года слуга Цзи Кана поймал цзилина (единорога) на герцогской охоте. Никто не мог сказать, какое это было животное. Вызвали Конфуция, чтобы он посмотрел на него. Он сразу узнал, что это лин, а сочинители легенд говорят, что он носил на одном из рогов кусок ленты, которую мать его привязала к нему тогда, когда он явился при рождении Конфуция. Согласно хроникам Кун Яна, он был глубоко тронут. Он воскликнул: «За кем ты явился?» По лицу его бежали слезы, и он прибавил: «Поток моего учения бежит».

Несмотря на появление лина, жизнь Конфуция еще продолжалась в течение двух лет, и он воспользовался этим, чтобы окончить свои истории Чунь-цю. Это сочинение, по словам Сыма Цяня, было произведение того года, но едва ли это было так. В нем он кратко намечает главные события, случившиеся в империи. Каждое выражение в ней чрезвычайно отчетливо, и все характеры действующих лиц и событий описаны весьма неточно. Сам Конфуций говорит: «Это весна и осень заставляют людей узнать меня,

это весна и осень, которые заставляют людей судить меня»[55]. Менций говорит, что составление этой истории было таким великим делом, как дело Ю по регулированию вод после потопа. «Конфуций окончил весну и осень, и бунтовщики министры и разбойники, сыновья были поражены ужасом»[56].

К концу этого годав Лу пришло известие о том, что герцог Цзи был убит одним из его чиновников. Конфуций был преисполнен негодования. Такая обида, чувствовал он, требовала его торжественного вмешательства. Он выкупался, отправился ко двору и рассказал об этом деле герцогу, говоря: «Цзин-гун убил своего государя, и я прошу, чтобы вы предприняли что-нибудь в наказание ему». Герцог начал говорить о том, что он этого не может, выставляя на вид, что Лу было слабо по сравнению с Ци. Конфуций отвечал: «Половина народа Ци не согласна с тем, что сделано. Если вы прибавите к нароу Лу половину народа Ци, то вы можете быть уверены, что победите их». Но он не мог вдохнуть своего духа в герцога, который сказал ему, чтобы он пошел и изложил дело перед начальника-

ми трех родов. Против своего понимания приличий он и сделал так, но они не согласились с ним.

В 479 году Конфуций должен был оплакивать смерть другого своего ученика. Одного из тех, который был дольше всего с ним, известного уже нам Цы Луу. Это был человек импульса, быстрый на слова и решительный в действиях. Он часто получал упреки со стороны учителя, но, очевидно, между ними существовала сильная привязанность. Цы Лу пользовался по отношению Конфуция такой свободой, о которой не смел мечтать никто из учеников его, он самый талантливый и последовательный ученик Конфуция. Вот какая картина рисуется нам в одном из мест «Разговоров»: «Ученик Мин стоял около него, глядя ласково и с верой; Цы Луу, называемый Ю, глядел смело и мужественно; Жань Цю и Цзы Гун с свободными и непринужденными манерами. Учителю это нравилось, но он заметил: «Смотри на Ю, он не умрет естественной смертью»[57]. Предсказание это оправдалось. Когда Конфуций возвращался з Лу в Вэй, он оставил

Цы Лу и Цзы Као занятыми на своих должностях. Начались волнения. В 479 году Лу пришли известия, что в Вэй происходит революция, и, когда Конфуций услышал об этом, он сказал: «Цзы Као придет сюда, а Цы Лу умрет». Так и случилось. Когда Цзы Као увидал, что дела приняли отчаянное положение, он убежал, но Цы Лу не покинул начальника, который обходился с ним хорошо. Он ринулся в толпу и был убит. Конфуций горько оплакивал его, но и его собственная кончина была недалеко. Она случилась на одиннадцатый день четвертого месяца, в следующем году, то есть в 478 году до н. э.

Рано утром, говорит история, он поднялся и, заложив руки на спине, вызвал своих слуг, пошел к двери, напевая про себя: «Великая гора должна искрошиться, сильное бревно должно поломаться и мудрый человек – склониться, как былинка». Спустя немного он вошел в дом и сел напротив двери. Цзы Гун слышал его слова и сказал про себя: «Если великая гора искрошится, на что же я буду глядеть? Если крепкое бревно ломается и мудрый человек склонится, как былинка, к ко-

му же я прислонюсь? Я боюсь, что учитель собирается заболеть». С этим он поспешил в дом. Конфуций сказал ему: «Цзы, отчего ты так поздно пришел? Согласно законам Ся, труп должен быть одет и положен в гроб на верхней восточной ступеньке и с умершим должно обходиться, как если бы он был духом. При Инь церемония эта исполнялась между двумя колонами, как если бы умерший был и гость, и дух. Правило Чжоу таково, чтобы церемонию эту выполнить на верхней западной ступеньке, обходясь с покойником, как если бы он был гостем. Я происхожу из Инь, и сегодня ночью мне снилось, что я сидел, а передо мною были приношения между двумя колонами. Не появляется разумный монарх. Нет никого в империи, кто пожелал бы сделать меня своим учителем. Приходит время мое умирать». Так и случилось. Он пошел на свою постель и через семь дней испустил дух[58].

Таков рассказ, который мы имеем о последних часах великого философа Китая. Неисполненные надежды заставили его глубоко страдать. Великие мира сего не прини-

мали его учения. Не было у него ни жены, ни дитяти, которое дарило бы ему любовь. Не улыбалась ему также будущая жизнь. «Падающая гора обратилась в ничто, и скала была сдвинута со своего места. Так смерть победила его, и он отошел; лицо его изменилось, и он был послан прочь».

Заключение

Суша и скучна, как видит читатель, биография Конфуция. Но мы должны предупредить читателя, что вышеприведенная биография составлена по наиболее достоверным источникам и документам, ссылки на которые делались в примечаниях. Из нее исключено все чудесное, чем всегда склонен окружать своих великих людей народ. Перед нами человек, типичный китаец, настойчивый в проведении рекомендуемых им государственных реформ, заботящийся о благе народа и в то же время, как истинный мудрец, дорожащий своей свободой и уверенный в том, что вложенной в него высшей жизни никто от него отнять не может. Как нищий скитается он из государства в государство, смело говорит

правителям правду, занят улучшением управления народом и в то же время неустанно вырабатывает в себе и окружающих его учениках «высшего человека». Жизнь его как бы распалась на две части: одна посвящена делам государственным, и он постоянно занят не только общими законами и порядками управления, но даже не прочь входить в подробности, давать практические советы и даже занимать должности, чтобы собою подать пример применения его принципов на деле. Другая часть жизни посвящена общим всему человечеству вопросам жизни и отношению человека к миру и Богу. И в этой своей части он, постоянно работая над своим совершенствованием, оставил людям учение, поставившее его наряду с прочими светочами человечества.

Изложение китайского учения Конфуция Львом Николаевичем Толстым

Изложение это почерпнуто нами из черновых бумаг гр. Л. Н. Толстого и является в совершенно необработанном виде (...) Статья Л. Н., помимо своей ценности, как слово великого нашего писателя, важна еще и тем, что она служит как бы предостережением для читателя не поддаваться первому впечатлению «скучности» учения китайцев, а терпеливо ознакомиться с ним и проникнуться его духом.

Великая наука

Сущность китайского учения такая: истинное (великое) учение научает людей высшему добру – обновлению людей и пребыванию в этом состоянии. Чтобы обладать высшим благом, нужно 1) чтобы было благоустройство во всем народе. Для того чтобы было благоустройство во всем народе, нужно 2) чтобы было благоустройство в семье. Для того чтобы было благоустройство в семье, нужно 3) чтобы было благоустройство в самом себе. Для того чтобы было благоустройство в самом себе, нужно 4) чтобы сердце было чисто, исправлено. (Ибо где будет сокрови-

це ваше, там будет и сердце ваше.) Для того чтобы сердце было чисто, исправлено, нужно 5) правдивость, сознательность мысли. Для того чтобы была сознательность мысли, нужна 6) высшая степень знания. Для того чтобы была высшая степень знания, нужно 7) изучение самого себя (как объясняет один комментатор).

Все вещи имеют корень и его последствия; все дела имеют конец и начало. Знать, что самое важное, что должно быть первым и что последним, есть то, чему учит истинное учение. Усовершенствование человека есть начало всего. Если корень в пренебрежении, то не может быть хорошо то, что должно вырасти из него.

Когда ясно определена цель, к которой должно стремиться, можно, откинув другие ничтожные цели, достигнуть спокойствия и постоянства. Достигнув спокойствия и постоянства, можно ясно обдумать предмет. Ясно обдумав предмет, можно достигнуть цели.

Учение середины

Небо дало человеку свойственную ему

природу. Следовать своей природе есть истинный путь человека. (Я есмь жизнь, путь и истина.) Указание этого пути и дает учение.

Путь следования своей природе таков, что всякое отступление лишает жизни, и потому мудрый человек старается узнать путь прежде, чем он видит вещи, и боится сбиться с пути прежде, чем слышит о них, потому что нет ничего важнее того, как то, что невидимо, и то, что незаметно. В то время, как человек находится вне влияния удовольствия, досады, горя, радости, он находится в состоянии равновесия и в этом состоянии может познать самого себя (свою природу и свой путь). Когда же чувства эти возбуждены в нем после того, как он познал самого себя, то чувства эти проявляются в должных пределах и наступает состояние согласия. Внутреннее равновесие есть тот корень, из которого вытекают все добрые человеческие деяния; согласие же есть всемирный закон всех человеческих деяний. Только бы состояния равновесия и согласия существовали в людях, и счастливый порядок тогда царствовал бы в мире, и все существа процветали бы. И потому муд-

рый человек внимателен к себе тогда, когда он один, и всегда держится равновесия и согласия. И хотя его не знает мир и не уважает, он не жалеет о том. То, что он делает, совершает тайно, но достигает самых далеких пределов.

Поступки его просты в отношениях с людьми, но в последствиях своих они неизмеримы. Знать же, как достигнуть этого совершенства, человек может всегда. Вытесывающий топорище имеет всегда образец перед собой. То же и с совершенствованием: образец совершенства человек находит всегда в себе и себя же творит по этому образцу. Если человек на основании своей природы понимает, что не должно делать другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали, то он близок к истине. Добродетельный человек исправляет себя и ничего не требует от других, так что для него не может быть ничего неприятного. Он не ропщет на людей и не осуждает небо.

И потому добродетельный человек спокоен и тих, сообразуясь с предписаниями неба, тогда как низкий человек, ходя ложными пу-

тями, всегда тревожен, ожидая счастливых случайностей. Человек, чтобы быть добродетельным, должен поступать так же, как поступает стрелок из лука: если он промахивается, то ищет причину неудачи не в цели, а в себе. Человек совершенствующийся подобен путнику, который должен всегда сначала пройти близкое расстояние и всход на гору должен начинать снизу.

Небо действует сознательно. Человек должен стремиться к достижению сознательности. Тот, кто обладает сознательностью, тот без усилия знает, что справедливо, и, понимая все без усилия мысли, легко вступает на путь истины. Тот, кто достиг сознательности, избирает то, что хорошо и твердо держится того, что избрал. Для достижения же сознательности нужно изучение того, что добро, внимательное исследование этого, размышление о нем, ясное различение его и серьезное исполнение его. Пусть человек делает это, и, если он был глуп, он станет умен, и, если он был слаб, он сделается силен.

Если у человека есть разум, вытекающий из сознательности, это должно приписать

природе; если же у него есть сознательность, происшедшая от разума, то это должно быть приписано учению. Будь сознательность – и будет разум. Будь разум – и будет сознательность.

Только тот, кто достиг высшей сознательности, может дать полное развитие своей природе. А как скоро он может дать полное развитие своей природе, он может дать полное развитие и природе других людей, природе животных, природе всего существующего. Когда он достиг этого, он делается посланником неба. Близок к этому тот, кто развивает в себе ростки добра. Посредством их он может достигнуть высшей сознательности. Сознательность в нем становится явной; становясь явной, становится блестящей; становясь блестящей, влияет на других. Так что только тот, кто обладает высшей сознательностью, может обновлять людей. Тот, кто обладает такой сознательностью, не только восполняет себя, но и других людей. Себя он восполняет добродетелью, других он восполняет знанием. Добродетель и знание суть свойства природы человека. И таким образом совершается соеди-

нение внешнего и внутреннего. От этого сознательности естественна бесконечность. Сообщаясь другим, она не прекращается. Она делается явной; делаясь явной и не прекращаясь, достигает самых дальних пределов; достигая же дальних пределов, она становится бесконечной, истинно существующей. Так что и тот, кто обладает ею, становится бесконечным и истинно существующим.

Будучи такова по своей природе, сознательность без выказывания себя становится явной, без движения производит перемены и без усилия достигает своих целей.

Путь неба и земли может быть выражен в одном изречении: «В них нет двойственности, и потому они производят вещи непостижимым образом».

Пускай невежественный человек судит о вещах, не зная их; пускай гордый человек приписывает себе власть решать вопросы своим суждением; пускай человек, живущий в современности, возвращается к тому, что исповедовалось в прошедшие века, – все, поступающие так, теряют жизнь. Добродетельный же человек, не упуская никаких ме-

лочей и самых незаметнейших проявлений своей природы, старается довести ее во всех направлениях до высшего совершенства. Он дорожит своими старыми знаниями и постоянно приобретает новые. Тогда как низкий человек, все более и более уходя в погибель, старается приобрести как можно больше известности, добродетельный человек предпочитает скрывать свою добродетель по мере того, как она становится все более и более известной.

Забота добродетельного человека одна: *рассматривать свое сердце, чтобы там не было ничего дурного.*

То, в чем никто не может сравниться с добродетельным человеком, – есть то, чего другие люди не могут видеть. Действия неба не имеют ни света, ни звука, ни запаха. Таковы же действия добродетельного человека.

Общие примечания к Великой книге и Учению о середине

Великая наука образует одну из главных книг Ли-цзи, или истории обрядов. Следует заметить, что книга эта претерпела много после смерти Конфуция, гораздо больше, чем прочие классические книги. Классические китайские книги были написаны на деревянных табличках, и таблички эти со временем терялись. В царствование императоров из династии Хань были употреблены все усилия для того, чтобы собрать священные книги: были разысканы и приведены в порядок таблички, возобновлены посредством консилиума ученых недостававшие, и таким образом переданы потомству книги, дошедшие до нас.

Книга обрядов в настоящее время состоит из 49 глав, или книг. В редакции ее приняли главное участие Лю Синь, за которым следовали два знаменитых ученых: Дай Дэ и его родственник Дай Шэн. Первый из них весь

текст, свыше двухсот глав, собранных Синем, свел к 89, а Шэн эти 89 глав свел к 46. Три другие книги были прибавлены во втором столетии нашей эры. Одна из них *Великая наука* и добавлена Ма Юном. После же него книги не подвергались никаким изменениям.

Что касается подлинности книги *Великая наука*, то это, по мнению многих, представляет сомнительный пункт, относительно которого приходят к разным заключениям. Знаменитый китайский ученый Чжу Си утверждает, что книга эта является передачей слов Конфуция постольку, поскольку она заключает в себе выдержки из классической книги об обрядах; все же остальное есть не что иное, как Чжунцзе (комментарий), являющийся изложением взглядов Цзэн Цзы по поводу изречений мудреца, собранных его учениками. Таким образом, Чжу Си не приписывает составление этой книги Цзэну, как обыкновенно это принято.

Тем не менее четвертая глава начинается словами: «Учитель сказал». Это указывает на то, что книга эта составлена не самим Конфуцием, а кем-нибудь из его последователей.

Но быть может, работа самого Конфуция по составлению этой книги сплелась со вставками его учеников и образовала одно целое.

Кто же тогда были авторами его? Древнее предание приписывает авторство этой книги Кун-цзы, внуку Конфуция. В одном из примечаний, написанных в период появления этой книги на каменных табличках Вэй, заключается следующее удостоверение: «Когда Кун-цзы жил и когда он испугался того, что поучения лучших мудрецов останутся в темноте и принципы древних императоров и королей пропадут, он сплел из них *Великую науку* и как бы крышей для нее создал Учение о Середине». Вот удостоверение одного из писателей наиболее ранних времен, и ученые склоняются к заключению признать правильность его утверждения.

Но хотя и нет никаких положительных данных для того, чтобы утверждать, кто был автором книги *Великая наука*; во всяком случае не может быть никакого колебания, чтобы признать ее подлинным документом конфуцианской школы. Если она не включает в себе исключительно слов мудреца, то она

является правильным отражением его учения, записанного им самим или кем-нибудь из его последователей приблизительно в то же время, когда он жил. Написание этой книги может быть отнесено к четвертому столетию до нашей эры.

Значение *Великой науки* выставляется многими китайскими писателями в самых экстравагантных выражениях. Значения этого никак не могут разделять все европейские ученые, переводившие книги эти и писавшие о них, но, тем не менее, вот каково мнение одного из них, именно французского переводчика Потье. «Очевидно, что у китайского философа было стремление убедить правительства в обязанности совершенствовать самого себя и чтобы к добродетели стремились все люди. Он чувствовал, что у него была несравненно более высокая миссия, чем та, с которой являлись и которой довольствовались большинство древних и современных философов; его необычайная любовь к счастью всего человечества, которая доминирует над всеми прочими его чувствами, создала из философии его систему социального совер-

шенства, до которой, мы осмеливаемся это утверждать, никто еще не доходил» (La Grande Etude par Pauthier. Paris, 1837).

Цель, с которой написана эта книга, открывается в первом параграфе: «*Великая наука* учит, как проявить самые светлые добродетели, как полюбить людей и как жить самой высшей жизнью». Таким образом, создатель ее представляет себе всех людей, все человечество, связанных между собой только одной обязанностью – проявлять высшее свое начало, способное возбудить в них чувство доброжелательства и любви друг к другу. Способ же, посредством которого это может быть достигнуто, заключается в следующих семи ступенях: исследование вещей, совершенствование в знании, искренность в помыслах, очищение своего сердца, совершенствование свой личности, управление своим семейством и управление государством. Таким образом, книга *Великой науки* одинаково касается как единого человека, так и тех совокупностей людей, которые известны нам в виде разных обществ и государств.

Учение о Середине (Чжун-ю) является од-

ним из трактатов, появившихся на свет благодаря трудам Лю Синя и занявших место свое в числе священных книг китайцев, а именно как 31-я книга Ли-цзи...

Но хотя она и составная часть книги обрядов, тем не менее упоминается и как отдельная. В каталоге книг Лю Синя мы находим замечания по поводу книги Чжун-ю. В летописи династии Суй (589–617 годы) в главе «История литературы» упоминаются три сочинения относительно Чжун-ю: первое называется Летопись Чжун-ю (в двух частях), приписываемая знаменитому ученому середины пятого столетия; второе же – комментарий на Чжун-ю, приписываемые императору У (502–549 годы), и третья частная летопись, определяющая смысл Чжун-ю (в пяти частях); автор ее не упоминается.

Таким образом оказывается, что книга Чжун-ю – *Учение о Середине* – появилась и была известна отдельно от прочих еще до появления династии Сун. Ученые в период этой династии посвящали особое внимание ей, очевидно, под руководством знаменитого ученого Чжоу Дунь-и. За этим ученым следо-

вали два брата Чэн, но никто из них ничего не опубликовал по поводу этой книги. Наконец явился Чжу Си, который написал сочинение «Чжун-ю, главы ее и мысли», и это сочинение сделалось учебником классической литературы на экзаменах при четвертом императоре из династии Юань (1312–1320 годы). А с этого времени сочинение это появляется уже в той редакции, как оно отразилось в книге Ли-цзи. Ни самый первоначальный текст, ни древние комментарии не приводятся.

В царствование нынешней династии издано великолепное собрание пяти цзинов (священных книг), выпущенное многочисленным комитетом ученых в конце царствования.

Составление *Учения о Середине* приписывается Кун-цзы (иначе Цзы Сы), внуку Конфуция. Китайские исследователи и критики соглашались в этом и, очевидно, имеют на это глубокие основания. На самом же деле нет никаких указаний в самом сочинении, которые привели бы нас к этому заключению. Среди многих цитат слов Конфуция и упоми-

наний о нем мы могли бы ожидать какое-нибудь указание, что мудрец был дедом автора, но ничего в этом роде не находим. Внешние же показания или свидетельства авторитетов очень сильны. В исторических летописях Сыма, изданных в начале первого столетия до н. э., чрезвычайно ясно говорится, что Цзы Сы создал Чжун-ю; столетием раньше имеем еще более сильное доказательство – слова Кун Фу, одного из потомков: «Цзы Сы составил Чжун-ю в сорока девяти главах»[59]. Таким образом, мы должны опереться на эти внешние показания. Цзы Сы, следовательно, занимает выдающееся место в классической литературе Китая, и будет уместно привести несколько указаний по поводу его.

Он был сыном Ли, который умер в 1482 году до н. э., четырьмя годами раньше мудреца, своего отца. Указания, в котором году он родился, нет. Сыма Цянь говорит, что он умер в возрасте 82 лет, но это, очевидно, неверно, потому что от Менция мы узнаем, что он пользовался милостями герцога Мю из провинции Луу, который вступил в управление

герцогством в 408 году до н. э., то есть семьдесят лет спустя после смерти Конфуция. В табличках о Наиболее Достойных, помещенных в храмах мудреца, сообщается, что вместо 62 лет его жизни нужно считать 82 года; другие же полагают, что жизнь его простиралась за сто лет. Все это, разумеется, указывает на то, что нельзя точно сказать на самом деле, сколько он жил.

Во время его детства Цзы Сы находился, должно быть, со своим дедом, и от него получил первоначальное обучение. Говорят, что однажды, когда он оставался один с мудрецом и услышал, как тот вздыхал, он подошел к тому и, поклонившись дважды, спросил у него о причине печали. «От того ли это, что вы думаете, – сказал он, – что ваши потомки будут недостойны вас вследствие того, что они недостаточно будут работать над собой? Или же вы мучаетесь, вспоминая о жизни Яо и Шуня, о том, как вы мало достигли, чтобы жить, как они?» – «Дитя мое, – отвечал Конфуций, – как случилось то, что ты узнал мои мысли?» – «Часто я выслушивал, – отвечал Цзы Сы, – от вас уроки, что если отец себе-

рет и приготовит хворост, а его сын не в состоянии нести эту связку хвороста, то его признают вырожденком и недостойным. Замечание это часто приходило мне на ум и наполняет меня большим провидением». Мудрец пришел в восхищение. Он улыбнулся и сказал: «Теперь я действительно могу жить, несколько не беспокоясь: все мои начинания не пропадут, они будут поддержаны и развиты»[60].

После смерти Конфуция Цзы Сы сделался, говорят, учеником философа Цзэна, но он пользовался его наставлениями с рассуждением, и в одном случае, который рассказывается в Ли-цзи, ученик внезапно занял место учителя. Когда он жил в большой бедности, один из друзей его принес ему пшеницу, которую он охотно принял. Тогда другой друг осмелился послать ему бутылку вина, но он отказался принять ее. «Но вы приняли ведь пшеницу от другого, – начал говорить этот, – почему же вы отказываетесь принять мой подарок, который не меньшей ценности? У вас нет никакого повода для этого. А если вы хотите показать на вашу независимость, так вы должны были бы делать это более совершен-

но». — «Я так беден, что нуждаюсь. Боясь же, чтобы я не умер и не перестал бы таким образом служить моим предкам, я принимаю пшеницу как подаяние, но вино и сушеное мясо, которые вы предлагаете мне, это уже некоторая роскошь, а для бедного человека неразумно пировать. И вот почему я отказался от вашего подарка. А во все я не думаю о том, чтобы проявить свою независимость».

То же самое значение, собственно говоря, имеет и рассказ о Цзы Сы, который мы находим у Лю Синя. Ученый этот говорит о том, что когда Цзы жил в Вэй, то у него всегда был сюртук в лохмотьях, он не носил никакого белья и в течение трех недель ел только девять раз. Герцог, услышав о том, в каком грустном положении он находился, послал ему сюртук на лисьем меху. Боясь, что он затруднится принять его, он присовокупил следующее письмо: «Когда я одалживаю у человека, я забываю об этом. Когда я даю что-нибудь, я расстаюсь с этим так же свободно, как если бы я это выбросил вон». Но Цзы Сы отклонил подарок, таким образом предложенный, и когда герцог сказал: «Я имею, а вы не имеете, поче-

му же вы не хотите взять этого?» – тот отвечал: «Вы даете это так грубо, как если бы вы выбрасывали ваши вещи в канаву. Как бы беден я ни был, я не могу думать, что мое тело – это грязная канавка, – и не могу решиться принять ваш подарок».

Мать его после смерти отца вышла второй раз замуж и переехала на жительство в другую провинцию. Поступок этот считается в глазах китайцев в высшей степени предосудительным, но, тем не менее, когда мать его умерла, Цзы Сы чрезвычайно ее оплакивал.

Когда ученики его говорили ему о том, что этого не следует делать, потому что мать его совершила незаконный поступок, он им отвечал: «Да, я не прав, я не прав», – и с этими словами уходил от них и рыдал еще больше.

В своей семейной жизни он был, кажется, несчастлив. По каким-то причинам, которые до нас не дошли, он даже развелся со своей женой, следуя в этом, как кажется, примеру самого Конфуция. После смерти его жены сын его не носил по матери траура. Ученики его были этим удивлены и спрашивали у него: «Разве отец ваш не носил траур по вашей ма-

тери, хотя они и были разведены?» – «Да», – был ответ. «Тогда почему же вы не заставите своего сына Пи носить траур по своей матери?» Цзы Сы отвечал: «Отец мой поступал почти совершенно, но я не могу достичь этого. Когда она была моей женой, она была и матерью моего сына; когда она перестала быть моей женой, она перестала быть и матерью сына».

Все это рисует нам Цзы Сы как человека с сильными чувствами и сильной волей, независимого и имевшего стремление к аскетизму.

В качестве общественного деятеля мы находим его при дворе герцогов Вэй, Су, Лу и Пи, и каждый из них чрезвычайно его почитал.

Однажды герцог Вэй заявил Цзы Сы, что он очень польщен тем, что этот философ пришел к нему в герцогство, и надеется, что тот не откажется продлить дальше свои благодеяния. Философ отвечал: «Если бы я пожелал вас наделить деньгами или шелком, то ваша казна полна ими, а я беден; если бы я пожелал вас одолжить добрыми хорошими речами, то я боюсь, что это не подошло бы к вашим идеям».

и я говорил бы напрасно, а вы не слушали бы меня. Один путь, которым я могу сделать вам одолжение, это рекомендовать вашему вниманию достойных людей».

Герцог сказал: «Я именно и желаю достойных людей». «Тем не менее, – сказал Цзы Сы, – вы не в состоянии оценить их». «Мне очень хотелось бы знать, кого вы считаете достойными людьми?» – был ответ. Цзы Сы отвечал: «Хотите ли вы избрать себе чиновников только для того, чтобы они были чиновниками по названию или чтобы они действительно служили государству? «Разумеется, ради последнего», – сказал герцог. Тогда гость продолжал: «На восточной границе вашего государства есть некто Ли И-инь, который действительно достойный человек». «А кто были дед его и отец?» – спросил его герцог. «Они были простые крестьяне», – был ответ, за которым герцог разразился смехом, говоря: «Я не люблю крестьян; сын крестьянина не может быть годным для моей службы. Я не могу допускать лиц низших сословий на ту службу, которая является наследственной». Цзы Сы заметил на это: «Я упомянул о Ли И-ине только

ввиду его способностей. Какое дело до того, кто были его родители? Ведь герцог Чжоу был великий мудрец и Кан Шу был великий человек; тем не менее, если вы проследите, кто были его предки, то, наверно, вы найдете, что они были крестьянами. Да, я был прав, думая, что при выборе своих чиновников вы не руководствуетесь тем, чтобы они были достойные слуги, а руководствуетесь чем-то другим». На этом разговор кончился. Герцог молчал.

Из всех рассказов о Цзы Сы обнаруживается его независимый характер, как в частной, так и в общественной жизни. Он был достойным внуком Конфуция.

Да-сюэ, или Великая наука Конфуция

Представляя публике перевод главных священных книг китайцев, мы должны предупредить, что сделан он не прямо с китайского языка, а с французского и английского языков. Так как французский и английский переводы с китайского между собой разнились иногда в существенном, вообще же французский перевод отличался чаще растянутостью, тогда как английский – слишком большой сжатостью, переводчик на русский язык, усвоив себе смысл и суть учения Конфуция, старался не отступать от этого смысла и пользовался тем переводом на французский или английский язык, который наиболее этому общему смыслу удовлетворял. При этом в каждом отдельном случае, в особенности в случаях важных отступлений от того или другого перевода, делались соответственные примечания, в которых эти отступления и излагались. Наиболее обстоятельным все-таки является английский переводчик Легг, а потому Великая наука и Учение о середине переведены с английского, и этот перевод сверялся с французским переводом Потье, русским переводом Конисси и профессора Васильева в его хрестоматии. Что же касается перевода разговоров Конфуция, то таковой сделан с французского и затем сверен с английским. (...)

Первая священная книга китайцев

Предисловие к комментариям Да-сюэ китайского ученого Чжу Си

«**В**еликая наука» – это книга, которую в древности люди изучали в школе Великой науки (Высшее императорское училище) и в которой предлагались людям правила жизни.

Люди все произошли от Неба, и потому нет ни одного человека, чтобы в сердце ему не было заложено любви, добродетели, правды, обходительности и мудрости. Но хотя и во всех людях есть от рождения природное добро, только редкие из них могут воспитать в себе это добро и возрастить его до конца. От этого-то и бывает, что не все люди знают, могут знать то добро, которое есть в них, и не могут его в себе возрастить. Но зато люди с большим смыслом, умом и мудростью природной могут возрастить в себе свое душевное добро, и эти-то отличаются от толпы других людей. Вот этим-то людям Небо и дало приказ быть вожаками, учителями людей

из рода в род, приказано им управлять ими и научать их с тем, чтобы все вернулись к своей природной чистоте. Вот такими-то людьми и были цари Фуси, Шэньнун, Гуань-ди, Яо, Шунь; они получили от Неба высший сан, их помощники исполняли их приказы. И поучения их разошлись везде. И вот дошло до того, что во дворцах царей и в самых последних деревушках не было такого места, где бы не учились. Как только мальчику равнялся девятый год, – будь он царский, княжеский сын или простого мужика, – он поступал в малое училище и там его учили сажать, поливать, окапывать, чистить, учили, как отвечать учтиво тем, которые его спрашивали, учили, как выходить и здороваться, учили, как принимать гостей и как провожать, как ездить на лошади, как стрелять из лука, и учили их читать, писать и считать.

Когда детям исполнялось 14 лет, то их, начиная с наследного принца и других сыновей императора до сыновей князей, первых министров, правителей областей, ученых и докторов, которым предназначались какие-либо государственные должности, а также выделя-

ющихся блестящими способностями детей простого народа, посылали в Высшее училище и учили там углубляться и постигать начала вещей, очищать желания свои, исправлять себя, совершенствовать себя и управлять людьми. Таким образом, науки разделялись на малые и великие. И этот-то истинный способ обучения людей вследствие такого разделения и такого расположения наук был очень распространен в государстве и доступен всем.

Помимо этого царь исполнял все то, что мог и должен был он делать для распространения истинного учения. От народа не требовали платы за обучение детей и не брали на государственные нужды ничего из того, что составляло предмет насущных потребностей народа. И потому прежде не было никого, кто бы не изучал великой или малой науки. А тот, кто занимался этими науками, старался познать истинные душевные влечения, которые в сущности в каждого из нас заложены, стараясь познать ту жизнь, которую должно жить, и всякий употреблял все силы ума и души, чтобы достигнуть своего небесного предназначения.

А от этого-то и произошло, что люди считают тот век золотым веком и что в тот век были такие прекрасные правители и нравы, и вот почему понятно, что если в последующие века и не достигли такой высокой степени совершенства, так это происходило оттого, что пренебрегли этими науками.

При последних царях из династии Чжоу, когда цари, отличавшиеся святостью и добродетелью, стали переводиться, наставлениям, которые преподавались в великих и малых школах, стали придавать мало значения, святое учение было в пренебрежении и попиралось, а общественные нравы пришли в упадок. И вот в это-то время общего упадка и распущенности осветила мир святость Кун-цзы [61]. Но так как Кун-цзы не удалось добиться от царей, чтобы они назначили его министром или дали бы какую-нибудь другую подобную этой высокую должность, для того чтобы законами предписывать исполнение его наставлений и учения, то он уединился, собрал законы и распоряжения, которые издавали древние цари, внимательно исследовал их и передал их потомству для просвеще-

ния в будущие века через своих учеников. Главы «Цюй ли», «Шао и», «Нэй цзэ»[62] описывают обязанности учеников и относятся к малой науке, у которой они как ручки или придатки; но мы займемся Великой наукой – наукой, свойственной зрелым умам, ввиду того, что она более важна и имеет целью своей обнаружить и сделать очевидным для всех те законы неба, которые теперь скрыты от людей, потому что сердце их стало порочно и помыслы их сделались грязными.

Перед книгой, написанной Кун-цзы, как заглавный лист написаны те великие начала, которые должны служить фундаментом всего учения, в книге же начала эти объясняются и развиваются в отдельных главах. Хотя у Кун-цзы было много учеников (около трех тысяч), но учение его проповедано и передано нам последователями лишь одного ученика Кун-цзы – Цзэн-цзы. Цзэн-цзы сам слышал Кун-цзы, сохранил то, что написал Кун-цзы и как ближайший его ученик в возможно сжатом виде объяснил смысл книг Кун-цзы.

После смерти Мэн-цзы, одного из последователей Кун-цзы, не нашлось ни одного учи-

теля или проповедника учения древних, и хотя книга Кун-цзы и не пропала, но последователей у него было очень немного. А затем начали появляться выродившиеся ученые, привыкшие писать разные компиляции, бездушки, вести изящные разговоры, и хотя они писали о Малой науке гораздо больше своих предшественников, но к тому, что они писали, нельзя серьезно относиться. Вместо занятий Великой наукой появились новые интересы: явились учения о Пустоте, о небытии [63], об абсолютном покое, о нирване [64]; но во всех этих учениях не было истинного и прочного фундамента. Вследствие того, что учения эти исповедовались людьми, власть имеющими, то для распространения их не гнушались никакими средствами: употреблялись и насилие, и обман и фокусы, и публичные речи, которыми приобретали себе известность. И учения эти распространялись, сея заблуждения, темноту, обольщая народ и закрывая ему путь к любви и правде.

Учения эти поселили такую путаницу в умах людей, что даже самые разумные последователи их не могли сказать, что они об-

ладают знанием того, что более всего важно, а простые люди не были счастливы вследствие того, что правители не могли просветиться учением о том, как хорошо править государством. И сделался великий мрак, который стусился и затемнил души людей. В последующие годы болезнь эта только усиливалась, и в конце царствований пятой династии (около 950 года н. э.) разнузданность нравов и путаница в умах дошли до своего апогея.

Но Небо так мудро устроило, что на земле все совершается как бы в каком-то кругу. Как только возвысилась династия Су, скоро стала процветать и добродетель, и снова во тьме, обуявшей государство, заблестели стремления воспитать в себе небесные дары и научиться хорошо управлять. В эпоху эту в провинции Хэнань явились два ученых из семьи Чэн, которые, желая передать потомству писания Мэн-цзы и его учеников, собрали их и восстановили в первоначальном виде. Они начали с того, что воздали великое почтение книге Да-сюэ, или Великой науке, и старались показать ее в таком ярком свете, чтобы она была в глаза всем. И потому

они извлекли ее из того второстепенного ряда книг, в который она попала в последнее время, и поставили ее в ряд книг, имеющих самое важное и существенное значение, восстановили ее первоначальную прелесть, они снова исследовали то учение, которое издревле излагалось в книге Великой науки для наставления людей, восстановили истинный смысл священного текста оригинала (Кун-цзы) и объяснения его мудрого ученика во всем их блеске. Я, Си, не обладаю ни особенными способностями, ни мудрой проницательностью, но я вполне счастлив тем, что извлек плод из своего личного изучения этой книги и из знакомства с тем учением, которое заключается в ней. Я не мог не заметить, что в трудах обоих докторов Чэн много неправильного, ложно понятого, многое потеряно или не принято, и не мог не исправить всего этого и не восстановить правды; осмелившись забыть про мое невежество и мое глубокую темноту, я пополнил пропуски, которые там были, снабдил книгу моими примечаниями для того, чтобы дать возможность другим скорее схватить смысл и связь идеи

[65]; наконец, я пополнил то, что первые издатели и комментаторы пропустили или на что если и указывали, то лишь смутно и малопонятно. Все это я сделал, надеясь, что явится когда-нибудь такой мудрый человек, который будет обладать более высокими способностями, чем я, и который совершит ту работу, которой я едва лишь коснулся. Я отлично понимаю, что тому, кто возьмет на себя труд больший, чем на это есть у него сил, не миновать осуждения потомства за свою ошибку. Но все-таки тот, кто изучит те части моего труда, которые заключают управление государством, обращение с народом, улучшение нравов с целью исправить и совершенствовать себя самого и управлять людьми, наверное, согласится в том, что получил не слабую помощь.

В царствование Шэнь Ди, в год Цюй Яо (1191 год н. э.), во второй лунный месяц, в день цзя-цзы в городе Синьянь, или Новый Мир (по-простонародному называемый Гуйчжоу). Предисловие Чжу Си[66].

Предисловие ученого Цзэн-цзы

Вот что сказал ученый Цзэн-цзы: Да-сюэ (Великая наука) оставлено Кун-цзы и его учеником (Цзэн-цзы), для того чтобы те, которые начинают изучать нравственные и политические науки, пользовались ею как вратами для входа на дорогу мудрости. Как видно, люди древности, которые занимались методически, опирались единственно на эту книгу; и те, которые хотят изучать Лунь-юй и Мэн-цзы, должны начать свои занятия с книги Да-сюэ, тогда они не подвергнутся риску заблудиться.

Великая наука

1. Великая наука, или мудрость жизни, состоит в том, чтобы раскрыть и поднять светлое начало разума, которое мы все получили с неба; она состоит в том, чтобы обновить людей, в том, чтобы научить людей свое высшее назначение полагать в совершенстве, иначе сказать, в высшем благе.

2. Прежде всего надо знать цель, к которой надо стремиться, иначе сказать, последнее свое назначение, и потом уже принимать решение (избрать путь); как только будет принято решение, можно обладать спокойным и невозмутимым духом; раз дух спокоен и невозмутим, можно уже пользоваться такой душевной ясностью, которой ничто не может нарушить, можно размышлять и составлять суждение о сущности вещей; размышляя и составляя суждение о сущности вещей, можно достигнуть и того совершенства, к которому стремятся.

3. Все, что бывает в мире, имеет свою причину и производит свои действия. Все дела людские имеют свое начало и свои послед-

ствия. Познавать причины и действия, познавать начала и последствия – значит приближаться к тому разумному знанию, через которое достигается совершенство.

4. Древние цари – те, которые желали раскрыть и поднять в своих государствах (народах) светлое начало разума, который мы получили от Неба, прежде всего старались хорошо управлять своими царствами. Те, которые старались хорошо управлять своими царствами, желали прежде всего учредить хороший порядок в своих семьях. Те, которые старались учредить хороший порядок в своих семьях, старались прежде всего исправить самих себя. Те, которые старались исправить самих себя, старались прежде всего установить правду у себя в сердце (душе). Те, кто старались установить правду у себя в сердце (душе), старались прежде всего о том, чтобы желания их были чисты и искренни. Те, которые старались, чтобы желания их были чисты и искренни, стремились прежде всего к тому, чтобы усовершенствовать насколько возможно свой суждения о добре и зле (нравственные познания). Усовершенствование

суждений о добром и злом (нравственных познаний) состоит в том, чтобы углубляться и проникать в начала и причины поступков.

5. Когда углубишься и исследуешь начала и причины поступков, тогда суждения о добре и зле (нравственные познания) достигают последней степени совершенства. А когда суждения о добре и зле (нравственные познания) достигнут последней степени совершенства, то и желания станут чистыми и искренними. А когда желания чисты и искренни, сердце становится правдиво и прямо. А когда сердце правдиво и прямо, то человек исправляется, становится лучше. А когда человек исправляется и становится лучше, то и в семье учреждается порядок. А когда в семье порядок, то и народы хорошо управляются. А когда народы хорошо управляются, то и весь мир будет жить в мире и прекрасном согласии.

6. От человека, находящегося на самой высокой ступени общественной лестницы, и до человека темного, находящегося внизу, для всех одна обязанность: исправлять и улучшать самого себя; иначе сказать, само-

совершенствование. Это – твердое основание, исходная точка всякого прогресса и всякого нравственного развития.

7. Не в порядке вещей, чтобы из того, в основе чего беспорядок и путаница, могли вытекать последствия, имеющие место тогда, когда основа в порядке.

Относиться легко к самому главному и первостепенному и серьезно к тому, что не важно и второстепенно, это тот путь, которым никогда не следует ходить.

Собственно говоря, только приведенные выше изречения приписываются Конфуцию и изложены в книге, называемой Цзин, или «Главная книга» (книга по преимуществу), которая и переведена выше и содержит только одну главу. Но мы приводим дальше и комментарий Цзэн-цзы, понимавшего учение Конфуция в его первоначальной чистоте и, как мы раньше говорили, бывшего одним из учеников Конфуция, через которого и распространилось конфуцианство. Комментарии эти представляют мысли Конфуция.

Первоначально мысли эти были написаны на бамбуковых табличках. С течением време-

ни таблички эти перепутались, и порядок, в котором были первоначально изложены мысли эти, был нарушен[67].

Цзэн-цзы исследовал смысл книг, определил порядок, в каком должны были следовать таблички, и писал содержащиеся в них мысли в должной последовательности.

Комментарии Цзэн-цзы к книге «Великая наука»

I. О долге людей развивать и восстанавливать в первоначальной ясности светлое начало разума

1. Гань-гао[68] говорит: царь Вэнь достиг того, что развил в себе и заставил блистать полным блеском светлое начало разума, который мы получили с неба.

2. Дай Цзя[69] говорит: у царя Чэн Тана взоры были постоянно устремлены на блестящий дар разумения, которое мы получили с неба.

3. Ди тянь[70] говорит: Яо мог развить и заставить блистать полным блеском высшее начало разумения, которое мы получили

с неба.

4. Все эти примеры показывают, что должно возделывать свою разумную и нравственную природу, как теперь возделывают свою ниву.

II. О долге обновления или просвещения народов

1. В изречениях, вырезанных на ванне царя Чэн Тана, говорится: каждый день совершенно обновляй себя; делай это снова и еще снова, и постоянно снова.

2. Гань-гао говорит: старайся о том, чтобы народ обновлялся.

3. Книга стихов говорит:

«Хотя фамилия Чжоу с давних пор обладала царской властью, Но пример, который она получила с неба и которым светила людям (в лице Вэнь-вана), был новый».

4. Это показывает, что нет ничего, чего бы мудрец не испробовал, стремясь к последней степени совершенства.

III. О долге полагать свое окончательное назначение в совершенствовании

или в высшем благе

1. Книга стихов говорит:

«Народ предпочитает устраивать свои жилища в районе 1000 ли (ста лье) от местопребывания царя».

2. Книга стихов говорит:

«Желтая птица, жалобно поющая, – миень-ман, – устраивает свое гнездо в темных расселинах гор».

Учитель (Кун-цзы) говорит:

«Устраивая там свое гнездо, она показывает, что знает predetermined ей место; неужели же человек (разумнейшее из созданий) не может знать больше птицы!»

3. Книга стихов говорит:

«О, как добродетель Вэнь-вана была велика и глубока!»

Как он мог соединять пышность с величайшею скромностью при исполнении различных своих обязанностей».

Как царь, он полагал свое назначение в делах человеколюбия и расположения ко всем

людям; как служитель он относился с почтением; как сын он полагал свое назначение в проявлении сыновней почтительности; как отец он полагал свое назначение в нежной отеческой любви; как имеющий отношения и ведущий дела с людьми, он полагал свое назначение в проявлении искренности и верности.

4. Книга стихов говорит:

*«Посмотри вниз на берега Ки;
Они прекрасны и изобилуют зелеными бамбуками!
Мы имеем царя, украшенного знанием и мудростью;
Он подобен художнику, который работает резцом над слоновой костью;
Он подобен тому, кто отделяет и шлифует драгоценные камни.
Каким он кажется важным и молчаливым!
Как поведение его твердо и благородно!
Мы имеем царя, украшенного знанием и мудростью!
Мы не можем никогда его за-*

быть!»

5. «Он подобен художнику, который работает резцом над слоновой костью» – указывает на науку или на применение разума к познанию начал дел людских; «он подобен тому, кто отделяет и шлифует драгоценные камни» – указывает на совершенствование самого себя. Изречение: «О, каким он кажется важным и молчаливым!» – указывает на опасение, заботливость, которые он испытывает, стремясь к совершенствованию; «как поведение его твердо и благородно» – указывает на заботу его сделать свое поведение достойным подражания. «Мы имеем царя, украшенного мудростью и знанием», «мы никогда не можем его забыть!» – указывает на ту полную мудрость, на то нравственное совершенство, которое народ не может забыть.

6. Книга стихов говорит:

«Как память о древних царях (Вэнь и У) вкоренилась в людях».

Мудрецы и цари, которые им следовали, подражали их мудрости и их заботам делать добро своему потомству. И если народ впо-

следствии и наслаждался миром и благоденствием, так это вследствие того, что цари эти заботились о благе его и о равномерном распределении земли[71]. И потому-то они и не будут забыты в будущие века.

IV. О долге познания причин и действий и отличия одних от других

1. Учитель говорит: я не могу выслушивать жалобы и производить суд, как и другие люди; но не будет ли более разумным и необходимым употребить все от нас зависящее, чтобы помешать самой тяжбе? Злым и лукавым не следует позволять высказывать своих лживых обвинений и вникать в их греховные намерения. Поступая таким образом, достигнут того, что дурные желания людей не будут проявляться. Вот это и называется познать корень и причину.

V. О долге совершенствовать свои суждения о добре и зле, углубляясь в начала поступков

1. Это называется познать корень или причину.

2. Это называется совершенствование суждения.

Вот то, что осталось от пятой главы комментария. Она объясняла, что должно понимать под совершенствованием своих суждений о добре и зле, углубляясь в начала поступков; теперь она потеряна. Несколько времени тому назад я попытался воспользоваться мыслями Чэн-цзы (другого, более древнего, чем Чжу Си, комментатора Да-сюэ), чтобы дополнить этот пропуск таким образом:

Следующие выражения текста: *«Совершенствование своих суждений о добре и зле состоит в понимании начала поступков»* – показывают, что если мы желаем совершенствовать свои суждения о добре и зле, мы должны предаться глубокому исследованию действий и исследовать до основания начала их или сущность; ибо духовное разумение человека, очевидно, способно судить (или, что равносильно, – способно к познанию); и все, что бывает в мире, так же, как и все дела людские, не может быть без начала, причины и сущности[72]. Только эти начала, эти причины, эта сущность не подвергались еще достаточно глубоким исследованиям. Вот почему знание людей не совершенно,

не абсолютно; и вот также почему Великая наука начинается тем, что люди, изучающие нравственную философию, должны предаться долговому и глубокому исследованию всего, что бывает в мире, всех дел людских, для того чтобы, познав начала дел, они могли бы расширить свои познания с целью проникать в самую таинственную часть своей природы [73]. Поступая таким образом и употребляя всю свою энергию, все свои умственные способности на это, можно, наконец, достигнуть обладания познанием и понять скрытые от нас истинные начала поступков; обладая таким познанием, можно понять внешнюю и внутреннюю природу всевозможных дел людских, как самая скрытая, самая тонкая их сущность, так и самые серьезные части их.

Если мы так будем поступать, если мы к этому будем настойчиво прилагать все свои силы, то мы можем быть уверены, что для нас сделаются совершенно ясными и понятными начала поступков.

Вот то, что называется пониманием начал поступков; вот то, что называется совершенствованием суждений о добре и зле.

VI. О долге иметь чистые и искренние желания

1. Слова: «Сделать свои желания чистыми и искренними» – означают: нисколько не коверкая своих непосредственных влечений; тебе не нравится неприятный запах – избегай его; тебе нравится прекрасное – стремись к нему. Это называется удовлетворением самого себя. И вот поэтому-то мудрый прилежно работает над своими намерениями и тайными мыслями, когда он один.

2. Для людей толпы, живущих в грехе и совершающих свои порочные дела без свидетелей, нет ничего худого, чего бы они ни делали. Если они видят человека мудрого, который работает над самим собой, они притворяются, что хотят подражать ему, скрывая свои порочные дела и выставляя на вид нечто подобное добродетели. Мудрый человек, если и увидит их, то тотчас же поймет их тайные, скрытые склонности. И к чему тогда будет то, что люди эти выдавали за истинное то, что не было в них истинно? Про это и пословица говорит: «Истина бывает только внутри, а то, что бывает снаружи, – это только фор-

ма». Вот почему мудрый должен бдительно работать над своими желаниями и тайными помышлениями[74].

3. Цзэн-цзы говорит: «О, как надо смотреть за собой, как надо работать над собой, если видишь, что на тебя смотрят десять глаз, что на тебя указывают десять рук».

4. В мире материальном богатства украшают и придают прелесть дому, в мире духовном добродетель украшает и придает прелесть душе человека; только в состоянии чистого блаженства душа возвеличивается, причем материя, которая ей подчинена, также извлекает из этого пользу. Вот почему мудрый должен сделать свои желания чистыми и искренними.

VII. О долге совершенствовать себя самого, устанавливая в сердце своем прямоту и правду

1. Слова: *«Очищение себя от всяких порочных страстей состоит в установлении прямоты в сердце своем»* – означают: если сердцем овладела страсть гнева, тогда не может в нем установиться эта прямота; если сердце поддается страху, не может в нем установить-

ся эта прямота; если сердце подвижимо страстями радости или удовольствия, не может в нем установиться эта прямота; если сердце снедаемо печалью, не может в нем установиться эта прямота.

2. Когда душа не властвует над самой собой, то происходит то, что смотрят и не видят, слушают и не слышат, едят и не различают вкуса кушанья. Это и указывает на то, что если люди хотят избавиться себя от порочных страстей, то они должны установить прямоту и правду в сердце своем[75].

VII. О долге учреждать хороший порядок в своей семье, совершенствуя себя самого

1. Вот что значат слова: *«Учреждение хорошего порядка в своей семье состоит прежде всего в исправлении себя самого от всяких порочных страстей»* – люди пристрастны к своим родителям и к тем, которых они любят; и точно так же они пристрастны или несправедливы к тем, которых они презирают или ненавидят; и точно так же пристрастны они или раболепны к тем, кого они уважают и перед кем благоговеют; они пристрастны

или слишком милосердны[76] к тем, которые возбуждают сострадание и жалость; при- страстны также или высокомерны к тем, кто обходится с ними с высокомерием или подобострастием. И потому-то очень редко бывает здесь в миру, что мы любим и знаем недостатки тех, кого любим; ненавидим и знаем хорошие стороны тех, кого ненави- дим[77].

2. Отсюда и пословица вышла: отцы не хо- тят знать недостатков своих детей, а земле- дельцы – плодородности своей земли.

3. Это и указывает на то, что если человек не исправляет себя самого от своих грешных желаний, то он не способен учредить и хоро- ший порядок в своей семье.

IX. О долге хорошо управлять государ- ством, учреждая хороший порядок в сво- ей семье

1. Подлинные слова: *«Для того, чтобы хо- рошо управлять государством, необходимо прежде всего стремиться учредить хороший порядок в своей семье»* – можно объяснить так: невозможно представить себе, чтобы че- ловек, который не мог устроить свою соб-

ственную семью, мог устраивать общество людей. Вот почему сын царя совершенствует себя в науке устраивать и управлять царством, не выходя еще из семьи. Сыновняя почитательность – основание, которое руководит им в его отношениях с более старшими; доброжелательность – основание, которое руководит им в сношениях с народом.

2. Ган-гао говорит: «Такой человек подобен матери, которая нежно обнимает своего новорожденного[78]. Она употребляет все усилия своего ума, чтобы предупредить его нарождающиеся желания; если она не угадает их вполне, то она не ошибется по крайней мере на счет предмета его желаний. И никогда не бывает того, чтобы мать сначала училась кормить ребенка, а потом выходила замуж.

3. Одной семьи, живущей любовью, достаточно для того, чтобы в народе распространились любовь и благоволение к людям. Достаточно одной семьи, которая относится вежливо к людям и снисходительно к их недостаткам, чтобы и во всем народе разлилась та же вежливость и снисходительность. И если есть хотя бы один человек, как царь, жадный и ко-

рыстолубивый, то и его одного достаточно, чтобы произошло расстройство нравственных понятий всего народа.

Вот каков источник или двигатель добродетелей и пороков. И это подразумевается в пословице: одно слово – и губится все дело. Человек один, а решает судьбу государства.

4. Яо и Шунь управляли государством с человеколюбием, и народ подражал им. И вот потому-то глава государства обязан своим примером показывать добродетели и только примером привлекать и других людей к добродетельной жизни.

5. И вот потому-то, чтобы хорошо управлять царством, надо прежде всего учредить порядок в своей семье.

6. Книга стихов говорит:

*«О, как прекрасно и восхитительно персиковое дерево!
Как листва его прелестна и как ее много!
Такова молодая невеста, идущая в жилище своего супруга.
И ведущая себя как должно по отношению к членам его семьи!»*

Научитесь сначала относиться как должно, с любовью и разумно, к членам своей семьи и только тогда думайте о том, можно ли вам учить людей и управлять народом.

7. Книга стихов говорит:

«Они должны исполнять свои обязанности по отношению к своим старшим братьям. Они должны исполнять свои обязанности по отношению к своим младшим братьям».

Если вы будете относиться как должно к своим и старшим, и младшим братьям, то только тогда думайте о том, можно ли вам учить своим обязанностям и старших и младших братьев в государстве[79].

8. Книга стихов говорит:

*«Царь, жизнь которого всегда преисполнена справедливости и мудрости,
Увидит людей четырех стран мира подражающими его сердечной правде».*

Как только царь делает то, что требует от него долг отца, старшего, младшего брата, народ тотчас же подражает ему.

9. Вот об этом-то и говорит наш учитель:

«Искусство хорошо управлять людьми (народом) состоит прежде всего в учреждении порядка в своей семье».

Х. О долге поддерживать мир и добрые отношения к миру, хорошо управляя царством

1. Выражения текста: *«Дать миру счастье наслаждаться миром и согласием состоит в хорошем управлении своим государством»* – должны быть так понимаемы: если тот, кто занимает самое высокое общественное положение (царь), относится с почтением к отцу и матери, то и у народа будут развиваться чувства сыновней почтительности. Если царь будет почитать старшего из братьев, то и у народа будет развиваться такое отношение к братьям. Если царь будет иметь сострадание к сиротам, то и у народа не будут развиваться противоположные чувства.

2. Примите себе за правило: не делать по отношению ниже вас стоящих того, что вы не одобряете в поступках выше вас стоящих людей; не делать по отношению к вашим начальникам того, чего вы не одобряете в ваших подчиненных; не делать по отношению

к тем, которые будут после вас, того, что вы не одобряете в тех, которые были до вас; не делать по отношению тех, которые были до вас, того, чего вы не одобряете в тех, которые после вас; не делать тем, которые налево от вас, того, чего вы не одобряете в находящихся направо от вас; не делать тем, которые направо от вас, того, чего вы не одобряете в находящихся налево от вас! Вот то, что называется поступать разумно и в должном направлении.

3. Книга стихов говорит:

*«Посмотрите на эту дальнюю южную гору,
На ее крутые и грозные скалы.
Точно так же, полный величия, о,
великий учитель Инь, сверкаешь ты,
И весь народ взирает на тебя!»*

4. Книга стихов говорит:

*«Цари из династии Инь (или Шан)
Были товарищи Бога.
Берите пример с династии Инь.
Великие повеления неба нелегко
соблюдать».*

Этим хотят сказать:

«Если ты заслужишь любовь народа, то ты будешь обладать и царством».

5. И вот потому-то царь, если будет обладать добродетелями, овладеет сердцами людей, будет обладать и землями; если он обладает землями, он будет получать доходы; если он имеет доходы, он будет их употреблять для управления государством. Доброе и разумное начало есть фундамент, на котором строится жизнь; богатства же не что иное, как второстепенный придаток.

6. Хроника Чу говорит:

«Не на камушки и золотые украшения нация Чу смотрит как на драгоценность; нет, для нее люди добродетельные, добрые и мудрые правители – одно, что она считает драгоценным».

7. Цю Фан говорит:

«Когда я путешествовал в чужих краях, то если я и искал что-либо драгоценное, так это человеколюбие и любовь к своим родителям, вот это-то я и считал драгоценным».

8. Цзинь Ши говорит:

«Если бы министр мой не был вполне совершенным человеком, но сердце его было бы просто и без страстей, то я считал бы, что такой министр обладает огромными талантами. Когда он увидит высокоталантливых людей с высшими способностями, то он применит их к делу и не будет завидовать им потому лишь, что сам не обладает их талантами. Если бы случилось ему заметить необыкновенного добродетельного и разумного человека, он не ограничился бы тем, что чуть-чуть похвалил его, а отыскал бы его с сердечностью и привлек к своим трудам. И я мог бы положиться, что такой министр поможет и детям моим, и детям моих детей, и народу. И какая бы польза от него была для государства!»

9. Существует следующее великое начало для увеличения доходов (государства или семьи).

Пусть те, которые производят эти доходы, будут возможно многочисленнее, а те, кото-

рые потребляют их, возможно малочисленнее; пусть те, которые заставляют трудиться других для возрастания своих доходов, сами работают побольше, и пусть те, которые будут расходовать доходы, делают это возможно умереннее. Если люди будут руководствоваться и поступать так, то им всегда будет хватать их доходов.

Пусть производителей будет как можно больше, а потребителей как можно меньше; пусть будут как можно деятельны в производстве и как можно больше экономны в расходовании. Тогда доходов всегда будет хватать [80].

12. Гуманный и милосердный человек заслуживает уважения к своей особе, щедро распоряжаясь своими богатствами; негуманный и немилосердный человек увеличивает свои богатства в ущерб уважению к себе.

Добродетельный распорядитель своими доходами посредством их только увеличивает уважение к себе. Порочный распорядитель скапливает их все больше и больше на погибель своей жизни.

Вот десятая глава комментария. Она объяс-

няет, что должно понимать под словами: *«Дать миру счастье наслаждаться миром и согласием, хорошо управляя государством»* [81].

Все объяснение заключается в десяти главах. Четыре первые главы излагают общее содержание сочинения и указывают на цель его. Шесть других излагают в больших подробностях различные разветвления предмета сочинения. Пятая глава учит долгу быть добродетельным и просвещенным. Шестая глава ставит твердым фундаментом всей жизни совершенствование себя самого. Те, кто начинают изучение этой книги, должны употребить все свои усилия для того, чтобы преодолеть трудности, которые представляет эта глава для совершенного ее понимания; те, кто читает ее, не должны смотреть на нее как на очень легкую для понимания, и поэтому не должны мало ценить ее.

Чжу Си

**Чжун-Ю. О неизменных
законах духовной жизни,
или учение
о неизменяемости
в состоянии середины**
*Составлена Цзы Сы, внуком
и учеником Кун-цзы*

Предисловие философа Чэна

То, что не уклоняется ни в какую сторону, названо истинным, неизменным, правильным путем, следовать которому необходимо под небесами, названо серединой (чжун – milieu); то, что не меняется, называется неизменным, вечным (ю – invariable). Под серединой (чжун) разумеется истинный путь жизни, по которому должны стремиться идти все живущие под небом; под непоколебимостью (ю) разумеются определенные законы, руководящие духовной жизнью всех, живущих под небом. Книга эта содержит законы духовной жизни людей, которые передавались

от одного к другому в школах Конфуция, пока Цзы Сы (внук Конфуция), опасаясь, чтобы впоследствии эти законы разума не были извращены, записал их и передал Менцию. Сначала в книге говорится об одном начале, об одном принципе, затем предмет расширяется и обнимает собою все и в конце концов все возвращается и сосредоточивается снова в одном начале. Развейте это начало, и оно охватит собою всю вселенную, если же вы не будете развивать его, а сосредоточите его на самом себе, оно будет как бы скрыто какой-то таинственностью. Но польза этой книги неистощима. Она представляет собой основу наук. Когда научившийся читать эту книгу с радостью изучит ее и поймет ее всю, то будет в состоянии подчинить свою жизнь изложенным в ней законам и найдет при этом, что содержимое этой книги нельзя истощить.

Чжун-ю

Перевод слова Чжун-ю различными лицами делался различно. (См. Legge. The chines classics). По-французски Потье перевел это слово milieu, но мы, судя по смыслу книги, думаем, что этот перевод не точен и не характеризует содержания. Очень вероятно, что у китайцев это слово имеет то же значение, что и у русского народа – середина, середка, сердцевина, сердце, суть, то есть основной, неизменный, непоколебимый корень предмета или суть его. Но каково бы ни было филологическое значение этого слова, оно во всяком случае, как это указывает содержание книги, не соответствует понятию «золотой середины», как очень многими принято думать (в том числе переводчиком с китайского на русский – Конисси). При самом поверхностном чтении читатель убедится, что в этой книге трактуется именно о непоколебимости в сознании основных законов духовной жизни.

I.

1. Законы неба это есть то, что мы понимаем под нашей разумной природой; жизнь, согласная с этой разумной природой, называется истинной жизнью, или путем долга, истинным путем; то же, как пользоваться этим путем, называется воспитанием, или учением об обязанностях[82].

2. Путь долга, истинный путь жизни, не должен быть покидаем ни на одно мгнове-

ние. А если бы он был покинут хотя бы на одно мгновение, истинная, настоящая жизнь человека прекращается. Вот почему высший человек бывает осторожен до того, пока не увидит, и осмотрителен, до того, пока не услышит.

3. Ничто более не очевидно для мудреца, как скрытое в тайниках его души; ничто более не открыто для него, как самые тонкие, невидимые причины действия. Вот почему высший человек внимательно работает над тайными, для него только видимыми, влечениями своей души[83].

4. Тогда, когда не проявляется радость, удовольствие, гнев, печаль, – состояние, в котором находится душа, названо равновесием. Но раз все эти чувства проявляются в душе и достигают известного своего нормального предела, состояние, в котором находится душа, может быть названо гармонией. Равновесие это – великий корень, основа, из которой вытекают всякие человеческие поступки, а гармония – тот общий дух, по которому все должны идти.

5. Пусть равновесие и гармония достигнут

степени совершенства, и счастье воцарится везде – и на небе, и на земле. и все будет развиваться и процветать.

Вот первая глава книги, в которой Цзы Сы излагает главные начала того учения, которое он желал бы передать потомству. Сначала в ней ясно указывается на то, что истинный путь или законы истинной жизни берут свое начало с неба и неизменны; что эта небесная сущность находится в нас и что не может быть от нас отделена. Затем говорится об обязанностях соблюдать закон этот и жить согласно ему, чрезвычайно внимательно исследуя его; наконец о том, что святые люди, те, которые ближе всего подходят к божескому разумению, доведут свою жизнь до последней степени совершенства. Цзы Сы желает, чтобы те, которые изучают эту книгу, постоянно думали над ее содержанием, чтобы они отыскивали в самих себе те начала, которым здесь учат, и если они будут близки к обладанию ими, то они отгонят всякое нечестивое желание всего внешнего и будут совершать те поступки, которые свойственны их истинной природе. Эта глава представляет собой суть

всей книги, как говорит Ян. В следующих десяти главах Цзы Сы приводит слова Учителя, чтобы развить содержание этой первой главы.

Чжу Си

II.

1. Чжун Ни говорил: «Человек высшей добродетели всецело ходит по пути истинной жизни (середины); человек низменный, человек толпы поступает против правил истинной жизни (середины).

2. Хождение по истинному пути (середине) высшего человека происходит потому, что он высший человек и потому постоянно и держится истинного пути жизни (середины). Противное истинному пути (середине) поведение человека толпы происходит потому, что он темный человек и еще не имеет стремления к истинной жизни.

III.

Учитель говорил: «Совершенство та добродетель, которая проистекает из истинной жизни (середины). Как редки в народе те, кто могут жить по законам истинной жизни»[84].

IV.

1. Учитель говорил: «Я знаю, как происходит то, что не идут по истинному пути (середине): люди просвещенные идут дальше него, а невежды не всходят на него. Я знаю, как происходит то, что путь середины не постигается: люди высоких способностей и добродетели идут выше него, а лишённые этого не всходят на него».

2. Нет человека, который бы не ел и не пил. Но очень мало таких, которые умеют хорошо отличать вкус.

V.

1. Учитель говорил: «Увы, как жаль, что не следуют по истинному пути жизни (середине)».

Вот пятая глава. Эта глава относится к предыдущей, которую она объясняет, и восклицание об истинном пути служит переходом для связи смысла предыдущей главы со следующей.

Чжу Си

VI.

1. Учитель говорил: «Был Шунь. Он дей-

ствительно был великий мудрец. Шунь любил спрашивать других и обдумывать их слова, как бы ни казались они не важны. Он отбрасывал все то, что было дурного в них, и принимал все хорошее. Из двух крайностей он умел схватывать середину. Он пользовался ею при управлении народом. Только вследствие всего этого и был Шунь таким, каким он был».

VII.

1. Учитель говорил: «Все люди говорят: «Мы мудры»[85]. Но стоит им попасться в какую-нибудь сеть, западню или ловушку и запутаться в них, как они уже не знают, как из них выпутаться. Все люди говорят: «Мы мудры». Но если случится, что они попадут на истинный путь жизни (середину), они не могут продержаться на нем и месяца».

VIII.

1. Учитель говорил: «Вот какова была особенность Гвай: он избирал путь середины и раз только он воспринимал то, что было хорошо, он крепко держался за это, как бы держа на груди своей, и никогда не терял».

IX.

1. Учитель говорил: «И государства, и губернии, и роды (семейства) могут в совершенстве управляться; могут исчезнуть и почести и доходы, оружие может быть попрано, а один лишь путь середины не может быть достигнут»[86].

Х.

1. Цы Лу (ученик Кун-цзы) спросил своего учителя о силе человека.

2. Учитель сказал: «О какой силе ты спрашиваешь? О силе ли, свойственной людям северных стран, о силе ли, свойственной людям южных стран, или о той, которую ты мог бы развить в себе?»

3. Выказывать доброжелательность и ласковость, уча одних не мстить за неразумные поступки других, – вот в чем сила, свойственная людям южных стран, и хороший человек сделает ее предметом своего изучения.

4. Спать на ложе, сделанном из оружия, встречать смерть без сожаления – вот в чем сила, свойственная людям северных стран, и ее домогаются удальцы.

5. И потому высший человек стремится к дружной гармонии, не делаясь слабым.

И как он крепок в своей силе! Он стройно и прямо стоит посредине, не отклоняясь ни в какую сторону. Как крепок он в своей силе. Когда страна его наконец управляется на основании хороших начал, он не изменяет своей жизни и как был, так и остается в уединении. Как крепок он в своей силе. Когда дурные правила начинают преобладать при управлении его страной, он и при этом идет своим прежним путем до самой смерти без всякого изменения. Как крепок он в своей силе!

XI.

1. Учитель говорил: «Жить в неизвестности и стараться делать удивительные дела, чтобы заслужить почет в будущих веках, вот то, чего я не делаю».

2. Хороший человек иногда старается идти по правильному пути, но, пройдя половину его, оставляет его; я не способен так поступать.

3. Высший человек идет по пути середины. Хотя бы он был никем не знаем, никем не видим, он об этом не сожалеет. И только мудрец способен на это.

Вот одиннадцатая глава. Здесь прекращаются цитаты слов Кун-цзы, делаемые Цзы Сы с целью сделать понятным смысл первой главы. Главная задача этой книги заключается в том, чтобы показать, что просвещенная мудрость, человеколюбие или всеобъемлющее благоволение к людям, сила души – вот три общих и главных добродетели, это дверь, через которую входят на истинный путь, по которому все люди должны идти. Вот почему эти три добродетели рассмотрены в первой части сочинения и для примера иллюстрированы деяниями великого Шуня, Янь Юаня (или Хуэя, любимого ученика Кун-цзы) и Цы Лу (другого ученика того же философа. В Шуне заключается просвещенная мудрость; в Янь Юане – благоволение ко всем людям; в Цы Лу заключается сила души или мужественная сила. Если недостает одной из этих трех добродетелей, то невозможно быть устойчивым в нравственной жизни или на истинном пути и изображать совершенную добродетель. Остальное будет видно из двадцатой главы.

Чжу Си

XII.

1. Истинный путь, по которому идет высший человек, простирается широко и далеко, и вместе с тем он не виден.

2. Самые невежественные люди, как бы грубы они ни были, могут достигнуть познания этого пути, могут узнать, как им хорошо жить; но никому не дано, даже достигшим самой высокой степени святости, достигнуть совершенства на этом пути (всегда остается нечто неизвестное, стоящее выше понимания самих мудрых людей в этом мире). Самые невежественные, как бы низко они ни стояли, могут выполнять правила нравственной жизни; но никому не дано, даже достигшим самой высокой степени святости, исполнить все. Небо и земля, без сомнения, громадны, но, однако, человек и в них находит то, что его не удовлетворяет. Вот почему мудрец, рассуждая о законах духовной жизни человека, говорит, что мир не может их вместить; и рассуждая о подробностях законов духовной жизни, говорит, что мир не может его понять.

3. В книге стихов говорится: «Коршун взле-

тает к небесам, рыба ныряет в бездну».

Этим хотят сказать, что закон духовной жизни дан для всякого понимания, что закон этот освещает вселенную от высот небес до глубин бездн.

4. Законы, по которым живет высший человек, можно проследить в сердцах всех людей. Но только при своем высшем проявлении закон духовной жизни ярко осветит небо и землю.

Вот двенадцатая глава. Она содержит слова Цзы Сы, предназначенные для объяснения содержания первой главы, где говорится, что нельзя отклоняться от законов духовной жизни человека. В восьми следующих главах Цзы Сы приводит без особого порядка слова Кун-цзы для пояснения того же самого.

Чжу Си

XIII.

1. Учитель сказал: «Истинный путь или закон духовной жизни, по которому должно жить, не лежит далеко от людей. Если люди создают себе правило, закон, путь духовной жизни, который далек от самых простых ука-

заний их разума, то этот путь нельзя рассматривать как истинный.

2. В книге стихов говорится:

*«Резчик, который вырезает ручку
для топора,
Не держит образца далеко от се-
бя».*

Беря ручку образца, чтобы вырезать другую ручку, мы рассматриваем ее со всех сторон и после изготовления новой ручки тщательно сравниваем обе для того, чтобы убедиться, отличается ли одна от другой. Также и мудрец руководит и направляет людей, согласно их особенностям, и как только они отстают от дурного, он прекращает свое влияние[87].

3. Тот, кто воспитывает в себе свои лучшие основные свойства и проявляет их, веря во взаимность, тот не далек от истинного пути, от закона духовной жизни. Чего не хотите, чтобы делали вам, того не делайте и вы другим.

4. В жизни своей высший человек будет соблюдать четыре вещи, которых я еще не достиг: служить своему отцу так же, как я хо-

тел бы, чтобы мой сын служил мне, – я этого еще не достиг; служить моему государю, как я желал бы, чтобы мне служил мой слуга, – до этого я еще не достиг; служить своему старшему брату, как я хотел бы, чтобы мне служили мои младшие братья, – до этого я еще не достиг; поступать по отношению своего друга так, как я хотел бы, чтобы он поступал по отношению меня, – до этого я тоже еще не достиг. Высший человек искренен и последователен в самых обыкновенных делах, он осторожен в своих речах, и если и есть какой недостаток в его жизни, он винит в этом только себя. И если какой-нибудь избыток замечается в речах его, он старается не допускать этого. Так что слова отвечают делам, а дела словам. И лишь полная искренность и обнаруживает высшего человека.

XIV.

1. Живущий высшей духовной жизнью человек делает все то, что свойственно тому положению, в котором он находится, он не желает выходить из него.

2. Если он богат и в чести, он поступает так, как свойственно поступать, будучи в положе-

нии богатого и осыпанного почестями человека. Беден он и занимает низкое положение, он поступает, как свойственно поступать, будучи в положении бедного и незаметного человека. Если он находится среди варварских племен, он поступает, как свойственно поступать, будучи в положении среди варварских племен. В состоянии печали и при затруднениях он поступает, как свойственно поступать в положении печали и затруднений. Нет того положения, в котором живущий высшей духовной жизнью человек не оказался бы самим собой.

3. Если он занимает высокое положение, он не относится с презрением к низшим. Если он в низшем положении, он не унижает себя лестью перед занимающими высшее положение. Он постоянно совершенствует себя и ничего не ищет от людей, а потому не имеет и разочарований. Он не ропщет на небо и никого из людей не обвиняет в своих несчастьях.

4. Вот почему человек, живущий высшей духовной жизнью, всегда спокоен и уравновешен, и ищет только одного – выполнения

небесных предначертаний в то время, как обыкновенный человек блуждает по опасным путям, гоняясь за глупыми случайностями.

5. Учитель сказал: «Стрелка можно до некоторой степени сравнить с человеком, живущим высшей духовной жизнью: если он не попадает в цель, то причину этого ищет в себе».

XV.

1. Путь человека, живущего высшей духовной жизнью, можно уподобить тому, что бывает в путешествии: когда нам надо идти далеко, мы должны сначала пройти ближайшее расстояние и, поднимаясь на гору, мы должны начинать с подножия горы.

2. В книге стихов говорится:

*«Счастливый союз с женщиной
и детьми, которые любят единение
и гармонию,
Подобен созвучию лютен и арф».*

«Когда братья живут в единении, радость и счастье царствуют между ними. Так и вы можете установить хороший порядок в вашей семье, и ваша

жена и дети будут счастливы и довольны».

3. Учитель сказал: «Какое удовлетворение и какую радость должны испытывать отец и мать, будучи во главе такой семьи!»

XVI.

1. Учитель сказал: «Как полно и совершенно могут духовные существа проявлять заложенные в них силы!»

2. Мы ищем эти силы и не видим, прислушиваемся к ним и не слышим, а между тем высшая духовная сущность проникает во все существующее и ничто без нее не может существовать.

3. Эти духовные силы делают то, что во всей вселенной люди очищают и освящают свое сердце, одеваются в свои праздничные одежды, чтобы приносить жертвы. Эта духовная сущность, как океан всепоглощающий: она и над головой, и направо, и налево от поклоняющихся.

4. В книге стихов говорится:

*«Появление духа
Вы не можете видеть;
Можете ли относиться к этому*

безразлично?»

5. Таково проявление того, что невидимо. Такова невозможность подавить проявление нашей сущности[88].

XVII.

1. Учитель сказал: «Как велико было сыновнее благоволение Шюна! Он был святым по своей добродетели; он занимал императорский трон; владения его простирались в пределах четырех морей[89]; он воздавал царские почести предкам в храме, который им был построен; его сыновья и внуки делали то же самое по отношению него в следующие века.

2. Несомненно, что вследствие великой своей добродетели он обладал и царским достоинством, и огромным богатством, и своей славой, и продолжительной жизнью.

3. Несомненно также и то, что небо, создав все существующее, воздает каждому должное, согласно с их природой: дерево зацветает, оно его кормит и растит; дерево засыхает, умирает, и небо его уничтожает».

4. В книге стихов говорится:

«Да будет благословен князь, который управляет с мудростью. Его блестящая мудрость сверкает во все стороны; С судьями и народом он обходится, как они того заслуживают; И оттого-то он получил от неба все блага. Небо защита ему, оно ему помогает, бережет его трон, И небо пошлет все эти блага ему снова».

5. Из этого очевидно, что тот, кто добродетелен до высшей степени, может быть уверен в особом предназначении своем от неба.

XVIII.

1. Учитель говорил: «Один между людьми не испытывал душевных терзаний, это был Вэнь-ван. Отцом его был Цзи-ван, а сыном – У-ван. Все доброе, что было начато отцом его, было окончено сыном Вэнь-ваном.

2. У-ван продолжал добрые дела Вэнь-вана и Цзи-ван. Его личность никогда не потеряла своей славы во всем государстве; ему воздавались такие же почести, как сыну неба (то есть императору); его владения продолжались

до четырех морей. Он чтит императорскими почестями своих предков в храме, который был им посвящен; его сыновья и внуки такими же почестями чтители его.

3. У-ван был очень стар, когда ему достался трон, и герцог Чжоу-гун помогал ему выполнить добродетельные начинания Вэнь-вана и Цзи-вана. Он присвоил посмертно титул герцога Тай-вану и Цзи-вану, учредил обряды в их честь по императорскому ритуалу. Эти обряды были установлены для всех: для императорских принцев, высших сановников, ученых и простых людей. Если отец был государственным сановником, а сын был ученым, то последний воздавал похоронные почести своему отцу как государственному сановнику, а жертвы приносил как от ученого; если его отец был ученым, а сын государственным сановником, последний должен был воздавать отцу похоронные почести как ученому, а жертвы приносил как от государственного сановника. Годовой траур был установлен по сановникам, трехлетний – по императору. Траур по отцу и по матери должно было носить одинаково всем: и благо-

родным, и людям простого звания.

XIX.

1. Учитель сказал: «О, как велика была сыновняя любовь У-вана и Чжоу-гуна».

2. Сыновняя же любовь проявляется в умелом выполнении желаний предков, в умелом продолжении и окончании их.

3. Весной и осенью эти два князя заботливо украшали храм их предков; они заботливо расставляли священные сосуды предков и наиболее драгоценную древнюю утварь (в числе которых была большая сабля в пурпуровых ножнах и небесный свод Шуня[90]); они выставляли платья и различные одеяния предков, приносили предкам дары, смотря по времени года.

4. Посредством церемоний в храмах предков потомки императорского рода были почтены по старшинству их происхождения. Так как присутствовавшие на церемониях располагались по чинам, то этим производилось отличие более благородных от менее благородных. Участием в службах выделяли более талантливых и достойных людей. В церемонии общего заздравного тоста низшие

протягивали бокал высшим, таким образом и самым низшим было предоставлено участие в церемониях. На заключительном пиру размещались по седидам, так что здесь бывала почтена старость.

5. Эти князья У-ван и Чжоу-гун достойно наследовали своим предкам; они выполняли их обряды; они исполняли их музыку; они чтили то, к чему те относились с уважением. Они любили тех, кого их предки чтили с любовью. Они служили им мертвым так же, как если бы служили живым; ушедшим от них они служили так, как если бы они продолжали быть с ними.

6. Посредством обрядов жертвоприношений Небу и Земле служили Богу; посредством обрядов в храме предков чтили своих предков. Тот, кто в совершенстве узнает и поймет обряды небу и земле и смысл обрядов в честь предков, найдет, что управление государством так же легко, как то, если бы глядеть на ладонь своей руки.

XX.

1. Герцог Ай-гун спросил Кун-цзы о главных правилах хорошего управления государ-

СТВОМ.

2. Учитель сказал: «Царями Вэнь и У все законы для управления народом целиком были написаны на деревянных и бамбуковых дощечках».

Пусть только в государстве будут мудрые люди[91], тогда и управление государством может процветать; а без мудрых людей управление государством падает и сводится на нет.

3. Когда в государстве увеличивается число праведных людей, то рост правительства так же быстр, как быстро растет трава на земле. Такое правительство можно уподобить легко растущему тростнику.

4. А потому руководство правительством заключается в том, чтобы достать настоящих подходящих для этого людей. Такие же люди находятся только посредством выбора самого правителя, то есть сообразно его собственным достоинствам. А потому характер правителя должен быть воспитываем следованием пути долга. А следование пути долга должно быть достигаемо развитием в нем доброжелательства и благоволения к людям.

5. Доброжелательство – это отличительное основное свойство человека, первое проявление ее заключается в любви к родным. Праведность – это соответствие поступков человека с тем, что есть истина, первое же проявление этого заключается в почтении к достойным людям. Понятие о собственности производит уменьшение в любви к родным и в почтении к людям достойным[92].

6. Когда занимающие низшие места не пользуются доверием высших, то низшие не могут сохранить за собой участие в управлении народом.

7. Вот почему государь не может пренебрегать воспитанием своего характера. А желая воспитывать свой характер, он не может пренебречь служением своим родителям. А для того, чтобы служить родителям, он не может пренебрегать приобретением знаний о людях. А для того, чтобы узнать людей, он не может освободить себя от познаний законов небес[93].

8. Существует пять обязанностей, общих для всех и для их исполнения человек обладает тремя природными свойствами. Эти пять

обязанностей суть: обязанности в отношениях между государем и его министрами, между отцом и сыном, мужем и женой, старшим и младшим братом и при общении друзей. Эти-то пять обязанностей в отношениях между людьми и составляют общий для людей закон об обязанностях. Знание (необходимо для избрания пути долга, для отличия добра от зла), благоволение – чистота сердца (для того, чтобы следовать этому пути) и нравственная сила (которая поддерживает нас в выборе и следовании по пути), это три общие всем свойства. Для исполнения же этих пяти великих обязанностей служит – одно[94].

9. Некоторые рождаются уже со знанием этих пяти обязанностей, некоторые узнают их посредством изучения, а некоторые приобретают знания о них после мучительного невежества о них. Но раз достигнуто это знание – результат один и тот же. Некоторые выполняют обязанности эти с естественной легкостью; некоторые выполняют из желания выгод; некоторые же с чрезвычайными усилиями. Но как только достигнуто исполнение

этих обязанностей, то результат будет один и тот же.

10. Учитель сказал: «Тот, кто любит учиться, уже близок к знанию. Тот, кто с энергией поступает так, как учит наука, близок к благоволению, к чистоте сердца. Обладание же чувством стыда указывает на близость к обладанию той силой души, которая необходима при исполнении своих обязанностей»[95].

11. Тот, кто познал эти три вещи, познает и то, как воспитать свой характер. Узнав же, как воспитать свой характер, он узнает, как управлять другими людьми. Узнав, как управлять другими людьми, он узнает, как управлять государством со всеми его провинциями и семьями.

12. Все те, кто управляют государствами со всеми его провинциями и семьями, должны знать и следовать девяти неизменным правилам: воспитать свою личность, управлять собою (совершенствовать самих себя), почитать людей добродетельных и талантливых, любить своих родственников, уважать своих первых сановников, быть любезными и почтительными ко всем прочим обще-

ственным деятелям, обходиться с народом и любить его как детей, содействовать всевозможным обществам трудовых людей (ремесленников), принимать приветливо приходящих издалека и иностранцев[96] и обходиться любезно со всеми правителями разных княжеств.

13. После того, как государь начнет воспитывать свою личность (управлять собой), то свойственные всем обязанности будут исполняться всеми. После того, как он станет почитать добродетельных и талантливых людей (мудрецов), он будет предохранен от ошибок в суждении. Проявляя любовь к своим родным, он не будет давать места распрям между его дядями, старшими и младшими братьями. Уважая высших чиновников или министров, он избежит ошибок в управлении государством. Вследствие любезного и почтительного обхождения с второстепенными чиновниками и общественными деятелями он будет в ответ пользоваться таким же любезным и почтительным отношением к себе. Обходясь с народом и любя его как детей, он сделает то, что народ будет побуждать друг

друга ко всему доброму. Содействуя всевозможным обществам трудовых людей (ремесленников), у него явятся более обширные средства для производства расходов. Приветливо принимая приходящих издалека, он привлечет к себе людей со всех частей мира. Любезное же обхождение с правителями разных княжеств поведет за собой почитание его всем государством[97].

14. Контроль над собой и очищение себя, тщательный надзор за своей одеждой, запрещение себе всяких движений, всяких действий, противных предписаниям обрядов[98] – вот способы, которые должно употреблять для воспитания (управления) своей личности. Удалять от себя льстецов и клеветников, избегать соблазнов красоты, презирать богатства, высоко ценить добродетельных людей – вот то, посредством чего правитель способствует появлению в государстве своем людей достойных и талантливых и поощряет их. Предоставление своим родственникам хороших и выгодных мест, сочувствие им в том, что они любят или не любят – вот то, что употребляется для возбуждения к себе любви сре-

ди родственников. Назначать достаточное количество низших чиновников для исполнения приказаний высших, это – средство, которое следует употреблять для поощрения высших сановников. Увеличивать жалование прочим чиновникам, преисполненным верности и честности, – это средство для поощрения прочих чиновников. Требовать службы от народа только в удобное для него время, уменьшать налоги с него – вот средства поощрения народа. Постоянно следить за тем, правильно ли поведение назначаемых на места людей, и каждый месяц рассматривать, отвечает ли их работа получаемому ими жалованию, – вот средства возбуждать усердие и соревнование в трудовых людях (художниках и ремесленниках). Провожать иностранцев, когда они уходят, идти навстречу для того, чтобы хорошо их принять, хвалить тех, которые обладают какими-нибудь качествами между ними, и иметь снисхождение к тем, которые их не имеют, – вот то, как следует хорошо принимать иностранцев. Заботиться о продолжении потомства бездетных владельцев князей, снова вводить их в потерян-

ные ими владения, восстанавливать порядок в государствах, возмущенных восстаниями, приходить на помощь находящимся в опасностях, иметь определенное время для принятия при своем дворе владетельных князей и их приношений, отпускать их домой после щедрого гостеприимства и приветствовать прибытие их, как бы мало ни было их приношение, – вот каким путем надо обходиться любезно с принцами разных княжеств.

15. Те, кто управляют государствами с их княжествами и семьями, должны следовать этим девяти неизменным правилам; средства для выполнения их сводятся к одному.

16. Во всяком деле успех зависит от степени готовности к делу; без предварительной подготовки к делу можно заранее предвидеть неудачу. Если бы заранее обдумали то, что хотят сказать, то не было затруднений в речи. Если заранее обдумать свои дела, свои занятия в этом мире, то не будет никаких затруднений с ними. Если бы заранее обдумывали свои поступки, то не испытывали бы душевных волнений в связи с ними. Если заранее обдумать основы жизни, то жизнь наша бу-

дет полна разумного смысла.

17. Если находящиеся на низшей ступени общественной лестницы побудут пользоваться доверием государя, то они не могут успешно содействовать ему править пародом. Есть следующий способ узнать, кто может получить доверие государя: тот, кому не будут доверять его друзья, не может пользоваться доверием государя. Есть следующий способ узнать, кто может получить доверие своих друзей: тот, кто непокорен своим родителям, не может быть верен своим друзьям. Есть способ узнать, кто может быть покорен своим родителям: если кто, вдумываясь в самого себя, заметит в себе отсутствие любви, недостаток доброжелательства, тот не может быть почтителен к своим родителям. Есть способ узнать, кто может достигнуть любви, доброжелательства в себе: тот, кто не умеет отличить добра от зла, истинного от ложного, кто не может распознать в человеке закона неба, не достигнет любви, доброжелательства [99].

18. Любовь – это то, чем живет небо, его закон. Стремление к достижению любви –

это то, чем живут люди. Тот, кто обладает любовью, является таким, который без усилий ходит по истине и без напряжения мысли понимает истину, закон неба, – это тот мудрый человек, который естественно и легко ходит по пути праведности. Тот, кто достигает любви, избирает только добро и всеми силами держит его[100].

19. Для достижения же любви и доброжелательности требуется во всей полноте знание того, что есть добро, тщательное исследование этого, внимательное размышление об этом, ясное различение доброго от злого и искреннее желание поступать добро.

20. Человек высокой духовной жизни, высший человек (the superior man), не перестанет трудиться до тех пор, пока не останется ничего, чего бы он не изучил, или пока в том, что он изучает, не останется ничего непонятного для него. Но пока есть что-нибудь такое, чего он не исследовал, или если в том, что он исследовал, есть что-нибудь, чего он не понимает, он не успокоится. Он не успокоится до тех пор, пока есть что-нибудь, о чем он не размышлял, или что-нибудь непонятное

из того, о чем он размышлял. Он не успокоится до тех пор, пока останется что-нибудь такое, чего он не может определить, или пока определение его бывает недостаточно ясно. Он не успокоится до тех пор, пока он не применит в жизни своей того, что узнал лучшего, или пока жизнь его недостаточно преисполнена любви. И если другой человек успевает достигнуть чего-нибудь одним усилием, он сделает их сто; и если другой успевает в чем-либо, употребив десять усилий, он употребит тысячу[101].

21. Пусть только человек пойдет таким путем, и, как бы глуп он ни был, он наверное сделается разумным, и как бы слаб он ни был, он безусловно сделается сильным.

XXII.

Только тот может жить под небесами, кто обладает наиполной любовью, кто может дать посредством ее полное развитие своей природы. Способный дать полное развитие своей собственной природе может то же самое сделать и для природы других людей. Способный же дать полное развитие природе других людей может дать развитие и природе

животных и остального мира. Способный же дать полное развитие природе созданий и остального мира может помочь работе изменяющихся и все созидających сил неба и земли. Способный же помочь изменяющимся и все созидающим силам неба и земли сможет составить вместе с небом и землей троицу.

XXIII.

Ближе всего к вышеописанному человеку стоит тот, кто до высшей степени развивает в себе зачатки доброты. При этих зачатках доброты он может достичь обладания любовью. Тогда эта любовь делается ему ясной. Сделавшись же ему ясной, она становится для него совершенно открытой. Будучи же открытой, она становится блестящей. Будучи же блестящей, она заражает других. Когда же другие заражаются ею, то они совершенно меняются. Измененные же ею, они делаются другими. Только тот, кто обладает наиболее полной любовью, только тот может жить под небесами и только тот может пересоздавать людей.

XXIV.

Отличительной чертой наиболее полной

любви служит способность прозорливости – предугадывать. Когда народ или семья должны процветать, наверное существуют счастливые предзнаменования; и когда они должны погибнуть, то наверное существуют неблагоприятные предзнаменования. Такие знаки можно видеть в тысячелистнике и черепаше, и они действуют на движение наших конечностей. Когда несчастье или благополучие должны случиться, добро, так же как и зло, может быть предсказано им (таким человеком). Следовательно, тот, кто обладает наиболее полной любовью, подобен духу.

XXV.

1. Любовь это есть то, чем может быть произведено самосовершенствование, и пути любви это те, по которым человек должен направлять себя.

2. Любовь это начало и конец всего; без любви ничто бы не могло существовать. Вследствие этого высший (духовный) человек смотрит на достижение любви как на самое лучшее в мире.

3. Тот, кто обладает любовью, не ограничивается только своим самосовершенствовани-

ем. С помощью того, чем он облагает, он способствует самосовершенствованию других людей и всего существующего. Совершенствование себя самого указывает на его исключительные добродетели. Совершенствование других людей и всего другого указывает на его знания. Оба эти свойства (добродетели) принадлежат природе его и это есть тот путь, посредством которого достигается единение внешнего и внутреннего. Поэтому всякий раз, как совершенно любовный человек пользуется этими своими способностями, поступки его будут правильны.

XXVI.

1. Отсюда же полной любви принадлежит непрерывность.

2. Не переставая, она продолжается долго; продолжаясь же долго, она становится явной.

3. Становясь же явной, она распространяется далеко. Распространяясь далеко, она становится огромной и важной. Становясь же огромной и важной, она делается высокой и блестящей.

4. Становясь огромной и важной, она начинает обладать всем. Становясь же высокой

и блестящей, она распространяется повсюду. Распространяясь далеко и продолжаясь долго – вот при каких условиях она может совершенствовать все.

5. Когда она бывает огромной и важной, тот, кто обладает ею, становится соразным земле. Когда она бывает высокой и блестящей, она делает обладающего ею соразным небесам. Итак, распространяясь далеко и продолжаясь долго, она делает обладающего ею бесконечным.

6. Будучи такова по своей природе, она делается явной без обнаружения ее; она производит перемены без всякого движения; она достигает своих целей без всякого усилия.

7. Пути неба и земли могут быть совершенно изъяснены одной мыслью. Они без всякого двоения и все производят наподобие того, как произведена бездна.

8. Путь неба и земли велик и важен, высок и блестящ, далеко распространяющийся и долго продолжающийся.

9. Небеса, которые являются перед нами, представляются нам блестящим сверкающим местом, по когда взглянуть на них во всем их

неисчерпаемом объеме, вместе с солнцем, лунной, звездами и созвездиями Зодиака, то окажется, что все поглощается ими. Земля перед нами – это только горсточка праха. Если же рассмотреть ее во всей широте и полноте, то окажется, что она содержит в себе такие горы, как Хва и Ио, не чувствуя их тяжести, содержит в себе реки и моря, не выплескивая их. Гора, которая перед нами, представляется нам только как камень, но когда мы ее разглядим во всей ее огромности, мы увидим, как и трава и деревья произрастают на ней и как птицы и звери живут на ней и драгоценные камни, сокровища людей, находятся на ней. Вода, которую мы видим, обыкновенно является нам в виде ведра, наполненного ею; а когда мы взглянем на все ее бездонные глубины, мы увидим, как в них находятся огромнейшие черепахи, киты, драконы, рыбы и проч.; источники богатства и разные ценные вещи изобилуют в ней.

10. В книге стихов сказано: «Как глубокомысленны, как действительны повеления неба». Смысл этого тот, что небо является таким образом небом. И снова: «Как замеча-

тельна была исключительная добродетель короля Вана!» Это указывает на то, что король Ван был тем, чем он был (то есть человеком, исполняющим веления неба). Эта исключительная особенность и есть непрестанно действующая.

XXVII.

1. Как велик путь, свойственный совершенному человеку.

2. Подобно везде протекающей воде он создает и питает все и подымается до высоты небес.

3. Как совершенно его величие! Он обнимает собой триста правил церемоний и три тысячи правил поведения.

4. Он ждет настоящего человека и тогда протаптывается им.

5. Поэтому сказано: «Только совершенным в добродетели может быть действительно сделан совершенный путь во всем его протяжении».

6. Поэтому высший человек чтит свою преисполненную добродетели природу, поддерживает в себе постоянную любознательность и изучение, ища проявить свои добродетели

во всей их полноте и величии, так чтобы не пропустить ни малейшей черточки на своем пути и довести природу свою до величайшей высоты ее и блистательности, чтобы следовать по пути середины. Такой человек поддерживает свои прежние знания и постоянно приобретает новые, он обнаруживает честную, мужественную искренность, уважая все, принадлежащее другим.

7. Таким образом, когда случится ему занимать высокое положение в жизни, он не гордится; когда же он бывает в низшем положении, то он не бывает непочтительным. Когда государство пользуется хорошим правлением, он может быть уверен, что слова его будут иметь значение; когда же государство дурно управляется, он может быть уверен, что вследствие своего молчания он будет больше заниматься собою. И разве это не есть то, что мы находим в книге стихов: «Умен он и мудр и потому сохраняет свою личность».

XVIII.

1. Учитель сказал: «Если только невежественный человек будет предпочитать пользоваться своими собственными суждениями,

если тот человек, не занимающий особого положения, будет предпочитать направлять все по своему усмотрению, если только человек, живущий в настоящем веке, начнет соотносить свою жизнь с той, какая была в древности, все такие люди, которые вздумают так поступать, могут быть уверены, что они навлекут на себя несчастье».

2. Только императору принадлежит право распоряжаться церемониями, устанавливать меры и вводить буквы.

3. Теперь во всей империи экипажи имеют колеса одного и того же размера; все пишут теми же самыми буквами, и для жизни существуют одни и те же правила.

4. Могут занимать и трон, но если не обладают настоящими добродетелями, то не должны осмеливаться производить церемонии или участвовать в музыке. Могут пользоваться всеми добродетелями, но если не занимают трона, то не могут осмеливаться производить церемонии или участвовать в музыке.

5. Учитель сказал: «Я могу описать церемонии династии Ся, но Ци не может достаточно

подтвердить мои слова. Я изучил церемонии династии Инь, они еще продолжают в династии Сун. Я изучил церемонии Чжоу, которыми пользуются теперь, и я последовал за Чжоу».

XXIX.

1. Тот, кто достигнет верховной власти в государстве, имея те вышеупомянутые три важные вещи[102], будет способен сделать так, что при его управлении будет немного ошибок.

2. Как бы ни были великолепны правила прежних времен, они не могут быть засвидетельствованы. Не будучи засвидетельствованы, они не могут возбудить доверия, а если они не возбуждают доверие, то народ не может следовать им. Как бы ни были великолепны те правила, которые будут изданы каким-нибудь низким человеком, он не таков, которого могли бы чтить. Если же его не могут чтить, он не может пользоваться доверием. А раз он не пользуется доверием, народ не может следовать его правилам.

3. Следовательно, учреждения, создаваемые правителем, коренятся в его собствен-

ном характере и поступках и в том удовлетворении от них, которое испытывает народ. Он (правитель) проверяет эти учреждения, сравнивая их с таковыми же трех королей и тогда только убеждается, что в них нет ошибок. Он восхваляет их перед небом и землею и не находит в них тогда ничего противного им. Он является с ними перед духовными существами и у него не бывает сомнений о них. Он готов ожидать появления мудрого даже сотни лет спустя и у него не является никаких опасений.

4. То, что он является вместе со всеми своими учреждениями перед духовными существами и в нем при этом не возникает никаких сомнений, указывает на то, что он знает небеса. То, что он готов без всяких опасений ожидать появления мудрого сотни лет спустя, указывает на то, что он знает людей.

5. И в таких случаях действия такого правителя, освещающего его учреждения, создают пример для государства на целые века. Те, кто далеки от него, пламенно взирают на него, те же, кто близки к нему, никогда не тяготеют им.

6. В книге стихов говорится: «Не разочарованные там, не устающие здесь день за днем и ночь за ночью, они будут продолжать хвалить его». Никогда не было такого правителя, который, ясно понимая это описание, не стал бы вскоре известен во всем государстве.

XXX.

1. Кун-цзы почитал учения Яо и Шуня, как если бы они были образцом святости, а изданные царями Вэнь и У правила – как образец для нашей жизни. В высшей духовной жизни он учил, что надо соотносываться с велениями неба; в низшей материальной жизни – с законами природы: земли и воды.

2. Такой человек может быть уподоблен небу и земле в том, как они заключают в себе все, покрывают собою все. Он может быть уподоблен четырем временам года в их строгой последовательности, солнцу и луне в их следующем одно за другим сиянии.

3. Все существует и взаимно поддерживается, не вредя друг другу. Смена времен года, смена солнца луной происходят без всякой путаницы между собой. Малые силы подобны

речным течениям, большие же силы являются нам в величественных изменениях. Это-то и делает небо и землю столь великими.

XXXI.

1. Только такой человек, обладавший всеми качествами святого, только он мог существовать под небесами, показывая себя быстрым в восприятии истины, здравым в распознавании ее, с обширным умом и всепоглощающим знанием, только он способен управлять людьми. Он, великодушный, щедрый, ласковый, кроткий, – он только способен показать примеры истинной жизни; страстный, энергичный, твердый, выносливый, он способен все держать твердо в руках; самодовлеющий, серьезный, никогда не уклоняющийся с пути истинной жизни, справедливый, – только он может пользоваться почтением людей; высокообразованный, глубокомысленный, всегда готовый к исследованию истины, – только он может отличать добро от зла.

2. Он не может обнять, он так глубок и деятелен, как источник, и в соответствующее время он проявляет свои добродетели.

3. Все обнимающий и великой души, он по-

добен небу. Глубокий и деятельный, как источник, он подобен бездне. Если люди видят его, то преклоняются с почтением перед ним; если он говорит, люди верят ему; если он проявляет в чем-нибудь себя, действует, люди довольны им.

4. И потому слава его и распространяется по всему среднему королевству и достигает варварских племен. Она проникает везде, куда только достигают корабли и караваны; везде, куда проникает сила человека; везде, где небо распространяет покров свой и земля находится; везде, где солнце и луна сияют; везде, где падают иней и роса. Одним словом, все, у кого течет кровь и дышит дух, – все одинаково чтут и любят его. Потому-то и сказано: «Он равен небу».

XXXII.

1. Тот только может жить под небом, кто обладает наиболее полной любовью, кто может примениться к высшим неизменным отношениям между людьми, кто проявляет великие основные свойства человека, знает всеобразующие и вседержающие свойства неба и земли; может ли быть у такой

личности что-нибудь выше его или вообще кроме него, от чего он бы зависел?

2. Вы можете уподобить его человеку, исполнившему свой идеал, так он любовен! Вы можете уподобить его бездне, так он глубок! Вы можете уподобить его небу, так он велик!

3. Кто может узнать его, если он тот, кто сам обладает способностями восприятия, ясного различения добра и зла, глубокого ума и всеобъемлющего знания, одним словом, также обладает всеми небесными свойствами.

XXXIII.

1. В книге стихов сказано: «Поверх роскошного парадного платья она надевает простое», – указывая этим на равнодушие к изяществу внешности. Точно так же поступает и мудрый (высший) человек, скрывая свою добродетель в то время, как каждый день он делается все более и более просвещенным; человек же низший ищет сам известности в то время, как каждый день все более и более гибнет. Мудрого (высшего) человека характеризует то, что хотя бы он и казался доволь-

ным собою, но он на самом деле неудовлетворен собою; хотя он как будто и относится пренебрежительно, но на самом деле глубоко вникает в суть вещей; хотя и кажется простым, но на самом деле он далеко не так прост. Он знает, как отдаленное от нас на самом деле близко. Он знает, откуда все идет. Он знает, как тайное делается явным. И такой человек, можно быть вполне уверенным, достигнет обладания добродетелью.

2. В книге стихов говорится: «Хотя рыба и находится на дне реки, но все-таки случается, что ее можно ясно видеть». И мудрый (высший) человек исследует сердце свое, чтобы не было там ничего неправильного и чтобы не мог он бывать недоволен собою. Единственное, в чем не могут сравниться с мудрыми другие люди, – это та работа его, которой не могут видеть другие.

3. В книге стихов говорится: «Наблюдайте за своими внутренними покаями и смотрите, чтобы вам не стыдиться за них, не стыдиться за то, что доступно только свету неба». А потому мудрый (высший) человек, даже если он и не двигается и ничего не делает, весь про-

никнут высоким чувством, и, когда он не говорит, он проникнут чувством правдивости.

4. В книге стихов говорится: «Дары приносят в молчании, и тогда дух может приблизиться к ним; и при этом не должно быть ни малейшего усилия». А потому мудрый (высший) человек не раздает наград для привлечения к себе, а люди сами прилепляются к добродетели его. Он не показывает гнева, и люди более начинают стремиться к истине, чем если бы их подгоняли к ней плетями.

5. В книге стихов говорится: «Если что не требует обнаружения, так это добродетель». Все князья подражают этому. А потому, если мудрый (высший) человек будет любовным и богобоязненным, и весь мир придет в состояние счастливого спокойствия.

6. В книге стихов говорится: «С удовольствием взираю я на твою славную добродетель, которая не старается проявить себя как-нибудь шумно и внешне». Учитель сказал: «Среди средств преобразовать народ разный шум и мишура не играют никакого значения». В одной оде сказано: «Добродетель легка, как волос», однако же сравнение не долж-

но идти дальше, и по размерам добродетель с волосом сравнить нельзя. «Деяния высшего неба не сопровождаются ни звуком, ни запахом – вот это высшая добродетель».

Вот XXXIII глава. Цзы Сы, изложив в предыдущих главах свои рассуждения, возвращается здесь назад и исследует исходные точки своего предмета. Потом он выводит заключение, что если изучающий истину делает это искренне, без самомнения, и следит за собой, когда бывает один, то, поступая таким образом, можно заразить этим все государство и успокоить его своим простым и любовным величием. Дальше он восхваляет таинственность этого величия и говорит, наконец, что истинное величие не сопровождается ни звуком, ни запахом. Тут он резюмирует все свое сочинение и передает его сжато. В этом своем труде пересмотра своего сочинения, увещания и наставления людей он был наиболее любовным и мудрым, и неужели изучающий это учение не употребит всех своих усилий, чтобы овладеть им?!

Чжу Си

Сноски

Здесь следует заметить, что в то время как Симон в восторге от китайцев и описывает их жизнь такими привлекательными красками, невольно возбуждая подозрение в односторонности, пристрастии к любимому народу, другие поступают наоборот. Наш русский ученый проф. Васильев описывает китайцев довольно черными красками; не стесняется в этом отношении и Георгиевский, написавший интересную и обстоятельную книгу «Принципы жизни Китая». Страдает таким же пристрастным отношением и ортодоксальный английский ученый, бывший миссионер Легг. При первом издании своего сочинения о Конфуции и китайцах он отнесся к ним слишком пристрастно, несправедливо. Следует отметить, что впоследствии он изменил свой взгляд. Так например, в первом издании он пишет о Конфуции: «После долгого изучения характера его и мнений я не могу почитать его за великого человека». В оксфордском же издании 1893 года он пишет: «Чем больше я изучаю характер и суждения

Конфуция, тем более я начинаю его уважать.
Действительно, он был великий человек».

[^^^]

2

Идеографическое письмо состоит в том, что целые понятия изображаются одним знаком.

[^^^]

Но здесь следует заметить, что один из первых миссионеров, иезуит Риччи, в 1581 году пользовавшийся успехом в Китае, сам был обращен в конфуцианство (Мюллер М. Религии Китая).

[^^^]

Живя в Китае, Георгиевский слышал, между прочим, что кукла, изображающая черта, которого бичуют при совершении особого религиозного обряда, бывает иногда облачаема в европейское платье. Обряд побиения черта в 1882 году совершался в пекинском буддийском монастыре Юн-хэ-гун 2 марта.

[^^^]

5

Портовые города Китая открывались для европейской торговли только благодаря успехам военных действий французов или англичан.

[^^^]

Ненависть китайцев к европейцам всего сильнее обнаружилась во время тянь-цзиньской резни 1870 года. Памятником беспощадного истребления христианских миссионеров до сих пор остаются живописные руины разрушенного католического храма, построенного около того места, где Великий канал сливается с рекой Пэй-хэ. В Ханькоу, насколько мы знаем, китайцы не раз грозились истребить европейцев в их квартале, и в апреле месяце 1883 года, по решению правительства, было казнено 70 человек китайцев, задумавших привести угрозу в исполнение.

[^^^]

Мы приводили выше мнение английского ученого Легга и видели, как впоследствии он изменил свой взгляд. Совсем иначе о Конфуции думает француз Потье; он говорит: «Господь из толпы выдвигает людей избранных, которые просвещают, направляют толпу и преподают ей истины, необходимые к ее сохранению и благополучию. Эти люди всегда стояли на высоте своего призвания, и с тех пор как род человеческий брошен на эту землю, которую украшает своим присутствием и которая в свою очередь его кормит, самые существенные истины преподаны ему этими людьми. Только эти избранные знали и могли преподать самые высшие полезные истины, имевшие благодетельное влияние на общество, которое их восприняло, и доставившие ему самую большую сумму нравственных и физических удовольствий, к которым люди назначены самой природой. Мы полагаем, что Конфуций был из числа таких людей». — *Chine on description historique géographique et litteraire de ce vaste empire, par*

M. J. Pauthier. 1-re partie, 1837, p. 121.

[^^^]

Smith A. Village in China. London, 1900.

[^^^]

Здесь уместно будет отметить общую в этом отношении черту народов крайнего Востока, за исключением Японии. Из обстоятельной, прекрасной книги английского офицера Филдинга, описывающей бирманский народ, оказывается, что в Бирме характер правления такой же, как и в соседнем с ней Китае (книга издана. «Посредником» под названием «Душа одного народа»).

[^^^]

См. *Memoires concernant les chinois*, т. 12, с. 447. Отец Аммиот утверждает (с. 501), что он видел в таблицах Цзн Лу в 1744 году до н. э. одного из представителей этого семейства, который носил название герцога.

[^^^]

Сыма Цянь говорит, что Конфуций родился на 22-м году герцогства Сун, в 550 году до н. э. С ним согласен также и Чжу Си в своем маленьком сочинении о жизни Конфуция, приложенном к Луунь-юй. Соглашаются с этим также и хроники государства, изданные в царствование Цзи-гуна.

[^^^]

«Разговоры», 2: 4.

[^^^]

«Разговоры», 9: 6.

[^^^]

Менций, 5, ч. 2, 5, 4.

[^^^]

«Разговоры», 7: 7.

[^^^]

«Разговоры», 7: 8.

[^^^]

Некоторые считают все это апокрифическим. Создатели легенд выдумали путешествие в Тань. Малейшее историческое указание для них делается уже поводом, чтобы усилить славу своего мудреца. Ammiot перевел некоторые из их рассказов, а другие авторы, как Потье и Торнтон, последовали за ним.

[^^^]

«Разговоры», 24: 4.

[^^^]

«Разговоры», 25: 5.

[^^^]

«Разговоры, 3: 1, 2.

[^^^]

«Разговоры», 16: 12.

[^^^]

«Разговоры», 12: 11.

[^^^]

«Разговоры», 13: 3.

[^^^]

См. историю Конфуция у Сыма.

[^^^]

«Разговоры», 18: 3.

[^^^]

Сыма Цянь говорит, что первое замечание было сказано прямо Конфуцию.

[^^^]

«Разговоры», 16: 13.

[^^^]

См. Ли-цзи, II, 1, 27.

[^^^]

«Разговоры», II: 9.

[^^^]

«Разговоры», 17: 5.

[^^^]

«Разговоры», 9: 5. В «Разговорах» (11: 22) есть другое упоминание об этом времени, в котором Янь Хуэй тоже является.

[^^^]

«Разговоры», 3: 24.

[^^^]

См. МЭН-ЦЗЫ, 5, ч. 1, 8, 2.

[^^^]

См. Ли-цзы, II, 1, 2, 16.

[^^^]

«Разговоры», 14: 26; 6.

[^^^]

«Разговоры», 6: 26.

[^^^]

«Разговоры», 9: 17.

[^^^]

«Разговоры». 9: 22.

[^^^]

См. МЭН-ЦЗЫ, 5, ч. 1, 8, 3.

[^^^]

Это рассказано Сыма Цяном и также находится в «Семейных изречениях», но, как читатель может и сам судить из учения Конфуция, едва ли можно доверять этому. Удивительно только то, что никто из китайских критиков не пытался опровергнуть это.

[^^^]

«Разговоры», 12: 10.

[^^^]

«Разговоры», 17: 7.

[^^^]

«Разговоры», 5: 21.

[^^^]

«Разговоры», 15: 1, 2, 3.

[^^^]

«Разговоры», 13: 16.

[^^^]

«Разговоры», 18: 6.

[^^^]

«Разговоры», 18: 6.

[^^^]

«Разговоры», 17: 5.

[^^^]

«Разговоры», 18: 3.

[^^^]

«Разговоры», 11: 8.

[^^^]

«Разговоры», 2: 4, 6.

[^^^]

«Разговоры», 9: 14.

[^^^]

«Разговоры», 12: 16.

[^^^]

«Разговоры», 11: 16.

[^^^]

Менций, 3, ч. 2, 9, 8.

[^^^]

Менций, 3, ч. 2, 9, 11.

[^^^]

Аналекты, 9, 12.

[^^^]

См. Ли-цзи, II, 1, 2, 20.

[^^^]

Этот Кун Фу был одним из потомков Конфуция, который спрятал некоторые из его книг в стене своего дома, в то время когда был выпущен императорский указ о сожжении всех сочинений мудреца. Он сам был писателем, и сочинения его упоминаются под заглавием «Кун-цун-цзы».

[^^^]

Случай этот рассказан Кун Фу.

[^^^]

Конфуция.

[^^^]

Глава из Ли-цзи, или книги обрядов.

[^^^]

Автор, очевидно, понимает здесь извращенное учение даосов, основателем которого был Лао-цзы.

[^^^]

Учение буддистов, основателем которого был
Фо, или Будда.

[^^^]

Не следует думать, что этот разумный комментатор сделал какие-либо изменения в древнем тексте книги; он только иногда перемещал оставшиеся главы и пополнял примечаниями пропуски слов или мыслей; но при этом он постоянно заботился о соответствии комментариев ходу той последовательности, в которой написано сочинение, причем объяснения самого и напечатаны мелким шрифтом или более короткими строчками, чем примечания и объяснения первоначального текста.

[^^^]

Мы печатаем предисловие ученого Чжу Си ввиду интереса его характеристики взглядов на «Великую науку» китайского ученого-исследователя.

[^^^]

Полный текст сочинения состоит из 1546 знаков (букв). Все изложенное (Цзэн-цзы) составлено из различных цитат, которые служат комментариями к Цзину (или оригинальному тексту Кун-цзы), когда он не вполне ясен. Таким образом, то основное, что находится в тексте, последовательно и логически им развито. Кровь правильно совершает свое обращение везде по жилам. Сначала и до конца тяжелое и легкое установлено с великим умением и ловкостью. Чтение этой книги приятно и увлекательно. Необходимо долго над ней размышлять, и все-таки никогда не исчерпают ее смысла. (Примечание китайского императора.)

[^^^]

Теперь это глава Шу-цзин.

[^^^]

Теперь это глава Шу-цзин.

[^^^]

Теперь это глава Шу-цзин.

[^^^]

Вот объяснение, которое дают этому месту несколько комментаторов: «Вследствие разделения земледельческих полей и их распределения на участки в одно ли (10 кв. лье), каждый имел чем заняться и жить как следует; вот та польза, которую из этого извлекли».

[^^^]

И Сян выражается таким образом по поводу этого места: «Сердце, или познавательное начало человека, очевидно, не материально, очевидно, разумно: оно далеко от того, чтобы быть лишенным всякого естественного знания, и все действия человеческие очень далеки от того, чтобы не иметь причины или основания существования, одинаково естественного».

[^^^]

Комментатор Бо Сян выражается так: «Не сказано (в первоначальном тексте), что надо искать знания или глубокого исследования начал, причин; но сказано, что надо искать совершенного суждения о действиях; говоря, что надо искать знания, глубокого исследования начал, причин, можно завлечь ум в хаос безвыходных неизвестностей; говоря, что надо искать совершенного суждения о действиях, можно привести ум к отысканию истины».

Паскаль говорил: «Странная вещь, что люди желают знать начала вещей и достигать до познания всего, потому что, несомненно, нельзя привести в исполнение это намерение без самонадеянности или без бесконечной, как сама природа, способности».

[^^^]

В книге Цзин сказано: «Желая сделать свои намерения чистыми и искренними, стремились сначала совершенствоваться до высшей степени свои нравственные чувства». Еще сказано: «Когда нравственные чувства будут доведены до высшей степени совершенства, то потому уже и намерения сделаются чистыми и искренними». Итак, настоящая суть разума состоит в том, чтобы быть просвещенным, чтобы уметь развить те способности, которые даны нам для ежедневного усовершенствования нравственных чувств. Есть люди, которые уже сами собой просвещены и не делают никакого усилия, чтобы сделаться такими; тогда такие люди просвещают других; кроме того, они не перестают быть таковыми и не видят оснований еще более совершенствоваться и приблизиться к добродетели. Вот почему эта глава служит развитием предыдущей, для того чтобы сделать эту истину очевидной (Чжу Си).

Эта глава связана с предыдущей и последующей. Итак, когда намерения будут сделаны чистыми и искренними, тогда и истина будет без примеси заблуждения, добро – без примеси зла и люди истинно будут обладать добродетелью. То, что может ее сохранить в человеке, это – душа и разум, и человек должен покорять и обуздывать свое тело. Некоторые заботятся только о том, чтобы сделать свои намерения чистыми и искренними, не исследуя заботливо свойства разума, которое может их сохранить таковыми. Тогда они еще не обладают всецело истиной и должны продолжать улучшаться и совершенствовать свои личности.

С этой главы и до конца все совершенно согласно с древними изданиями (Чжу Си).

[^^^]

«По отношению людей, находящихся в нужде и несчастье, истощенных страданиями, некоторые слишком снисходительны, и потому они пристрастны».

[^^^]

У философа и Сяна находится следующее объяснение этой главе: «Цзэн-цзы говорит: то, что святая книга (изречения Кун-цзы) называет устроить хороший порядок в семье, состоит прежде всего в исправлении себя самого от всех порочных страстей, означает: пусть лицо, составляющее основание, устой семьи, – лицо, желающее устроить хороший порядок в своей семье, пусть он знает, что все состоит в чувствах дружелюбия и неприязни, любви и ненависти, которые находятся в нас, и пусть он себя ведет так, чтобы не быть при страстным или несправедливым в выражениях этих чувств. Человек естественным образом постоянно позволяет себя увлечь рождающимся в нем чувствам, и если он находится среди своей семьи, он скоро забывает правило своих естественных обязанностей. Вот поэтому-то, любя и ненавидя, он поддается при страстию и несправедливости, и его личность не исправляется и не улучшается более.

Ученый комментатор (И Сян) так выражается по поводу этого места: «Некогда У-ван написал книгу для того, чтобы преподать некоторые предостережения Кан Ту (своему младшему брату, которого он посылал управлять страной в округ Хэнань); он говорит: «Если исполняют обязанности князя, то необходимо любить и миловать народ, как нежная мать любит и милует свое малое дитя в колыбели. В первое время от рождения ее ребенка каждая мать не может понять из слов, исходящих из уст ребенка, того, что он хочет; мать, которая по своей природе призвана отдать ему все свои попечения и не позволит ему нуждаться ни в чем, старается с величайшей сердечной искренностью и гораздо чаще, чем то необходимо, узнать, чего он хочет, и она узнает впоследствии. Необходимо, чтобы она старалась узнать то, чего желает ее дитя, и хотя бы она и не могла предугадать все его желания, однако сердце ее будет удовлетворено и сердце ее дитя должно быть также удовлетворено. Они не могут отвратиться друг от друга.

И сердце матери, которое любит таким образом свое дитя в колыбели, делает это естественно, как это происходит и у дитяти; все матери имеют такие материнские чувства; они не нуждаются в том, чтобы их учили их обязанностям, чтобы быть в состоянии так именно любить своих детей. Точно так же никогда в мире не видали, чтобы молодая женщина училась сначала правилам, как надо заботиться о ребенке в колыбели, чтобы затем выйти замуж. Если раз узнают, что нежные заботы, которые мать простирает на своего ребенка, внушены ей именно естественными чувствами, то можно равным образом узнать, что такие же именно чувства естественной нежности должны руководить князем в его отношениях с народом. И не то же ли самое в отношениях к своему государю и старшим? Тогда это то, что и сказано: не выходя из своей семьи, можно совершенствовать себя в искусстве управлять государством».

[^^^]

По науке о государственном управлении (политике) этих китайских философов, каждая семья – это есть нация или государство в миниатюре, и всякая нация или всякое государство есть не что иное, как великая семья: и та, и другое должны быть управляемы на тех же самых основаниях и подчинены тем же обязанностям.

[^^^]

«Если в государстве народ не ленив и не жажен к удовольствиям, то тогда те, которые производят доходы, многочисленны. Если не отнимают у земледельцев времени, которое они посвящают своим работам, то тогда те, которые работают, которые пашут и которые сеют, будут предаваться большим трудам, чтобы заставить производить землю; если будут считать доходы для того, чтобы с ними сообразовать свои расходы, то употребление, которое из них будут делать, будет умеренным».

[^^^]

«Великая цель, главный смысл этой главы указывает на то, что управление государством состоит в приложении справедливости и праведности самых естественных, которые заключаются в нас самих, – во все действия правления до выбора людей, которые занимают в нем места и которые вследствие хорошего или дурного управления сохраняют или губят государство» (Дун Чжуншу).

[^^^]

Этот параграф переводится с китайского на русский японцем Конисси: «Так то, что дано небом, называется природой. Согласно с природой называется дао. Объяснение дао называется учением». Несколько далее Конисси приводит объяснение одного из китайских комментаторов, ученого Сюки о том, что такое дао. «дао, – говорит Сюки, – врожденно каждому существу. Идея добра, присутствующая в душе каждого человека, беспрестанно внушает нам творить добро. Эта врожденная идея (идея добра) и есть дао».

[^^^]

Перевод Потье.

[^^^]

«Разговоры», 6: 27.

[^^^]

В том смысле: нечего нам указывать, мы и сами понимаем.

[^^^]

У китайцев все государственное устройство делится на три части: империю, государства, ее составляющие, и роды (семьи), населяющие эти государства.

[^^^]

Он не предлагает им совершенства, противного их природе.

[^^^]

Так мы переводим английское слово sincerity, которое буквально значит искренность. Но как по смыслу предыдущего, так и по французскому переводу Потье слово сущность правильнее, лучше определяет китайское дао, чего не переводит совсем на русский язык переводчик с китайского на русский Конисси. См. дальше в гл. XX № 17 примечания к переводу того же самого слова.

[^^^]

То есть до двенадцати провинций, в которых тогда заключалась китайская империя.

[^^^]

Гравюра этой сферы и описание вышеуказанных обрядов помещены в книге «Описание Китая», – составленной Потье (том I, с. 89 и след.).

[^^^]

Потье ставит здесь вместо мудрые люди – министры, что, очевидно, не имеет смысла, так как при всяком правительстве есть министры. Легг ставит прямо men – мужи и в примечании к № 5 этой же главы говорит, что слово это имеет смысл человека мудрого, высшего. Впрочем, это видно и из следующего само собою.

[^^^]

Последний период у Потье переводится совершенно иначе, а именно: «Искусство уметь отличать то, как должно относиться к различным степеням родства, так же как знание, как чтить мудрых по их заслугам, познается только из обрядов, или из правил поведения, внушенных небом».

[^^^]

Мы сохраняем перевод Легга. Этот параграф переводится Потье несколько иначе, а именно: «Вот почему государь не может освободить себя от исправления и совершенствования своей личности. Думая исправлять и совершенствовать свою личность, он не может отказаться воздавать, что должно, родителям. Намереваясь воздавать своим родителям то, что должно, он не может отказываться от знакомства с мудрыми людьми для того, чтобы чтить их и чтобы они могли научить его обязанностям; стараясь знакомиться с мудрыми людьми, он не может лишать себя познания законов неба». В примечании к своему переводу Легг говорит: «Мне все-таки не удалось проследить связь между различными частями этого параграфа. Он не может обойтись без знания людей». Почему? «Потому, говорят, что человек совершенствует свою добродетель и делается способным служить своим родителям, почитая и будучи любезен с людьми достойными и находя себе друзей между ними». «Он не может обойтись без знания за-

конов небес». Почему? «Потому, говорят, что градации в любви к родным и в почитании достойных людей суть небесные установления, небесный порядок, естественные и необходимые начала». Но и в этом объяснении «знание людей» имеет совершенно другое значение, чем объяснено в предыдущем.

[^^^]

Чжу Си говорит, что под этим «одно» следует
разуметь искренность, сердечность, любовь.

[^^^]

Этот сжатый перевод сделан по переводу Легга. Потье переводит этот параграф так: «Учитель говорил: „Тот, кто любит науку или применение своего разума к отысканию закона об обязанностях, очень близок к нравственному знанию; тот, кто употребил все свои усилия для исполнения своих обязанностей, очень близок к тому самопожертвованию для блага людей, которое называется милосердием; тот, кто умеет краснеть за свою слабость при исполнении своих обязанностей, очень близок к обладанию той силой души, которая необходима для их выполнения“».

[^^^]

Глоз говорит, что это иностранные купцы, коммерсанты, гости или посетители и чужеземцы в стране. Л. Н. Толстой в одном из своих неопубликованных писаний говорит по поводу вышеприведенных мест этой главы: «В китайском учении середины сказано, что для 1) блага всех нужно 2) благоустройство государства, для благоустройства государства 3) благоустройство семьи, для благоустройства семьи 4) улучшение человека, для улучшения человека нужно 5) исправление сердца (то есть желаний), для исправления сердца нужно 6) один говорит: sincerity, другой: veracity of intention; я бы сказал: единство цели. Для достижения единства цели нужно истинное знание. Для истинного знания нужно – различение вещей, то есть добра и зла. «Я бы изменил первые два положения так: для 1) блага нужно 2) добрые отношения с людьми; для добрых отношений с людьми нужно, чтобы 3) ты сам был хорош; для того, чтобы ты сам был хорош, нужно 4) чтобы ты очистил свое сердце; для того, чтобы очи-

стить свое сердце, нужно 5) чтобы у тебя была определенная цель жизни; для того, чтобы у тебя была определенная цель жизни, нужно 6) чтобы ты был просвещен; для того, чтобы ты был просвещен, нужно 7) чтобы ты знал, что хорошо и что дурно».

[^^^]

После этих слов в «Семейных изречениях» находим: «Герцог спросил: «А как же выполнять эти правила?», и тогда уже идет следующий параграф, перед которым стоит: «Учитель сказал».

[^^^]

Смотреть, слушать, говорить, двигаться, выходить, входить, вставать, садиться.

[^^^]

Здесь должно заметить следующее: то, что переводит Легг словами искренность, любовь, Потье переводит словом совершенство, сопровождая его целыми объяснительными фразами. Конисси, переводя с китайского на русский, употребляет слово дао, то есть понимает под этим то же самое понятие, которое легло в основание этой книги и переведено нами истинная жизнь, путь долга (см. гл. I) Разъясняя термин дао, Конисси приводит объяснение ученого Сюки: «дао – то, что человек должен делать, как человек, или то, благодаря чему вещи стали вещами». Из всего этого, а также из всего смысла этого и предыдущих параграфов следует заключить, что любовь, доброжелательство – самые подходящие для перевода слова, передающие смысл сути нашему мировоззрению.

[^^^]

Этот параграф переведен с английского перевода Легга. Вот как переводит его Потье: «Совершенство, истина без всякой примеси есть закон неба; совершенство или совершенствование, которое состоит в употреблении всех своих усилий для открытия небесного закона, истинного начала повеления неба, есть закон человеческий. Совершенный выполняет этот закон без всякой посторонней помощи; он не нуждается в долгом рассуждении и размышлении, для того чтобы выполнить его; он достигает его со спокойствием и безмятежностью; вот это святой. Тот, кто неустанно стремится к своему совершенствованию, мудр и умеет отличать добро от зла, избирает добро и всеми силами старается не потерять его никогда».

[^^^]

Здесь снова следует отметить, что вышеприведенный перевод, как более соответствующий всему смыслу предыдущего, сделан с английского перевода Легга. Французский перевод Потье совсем иной: «Но если есть такие люди, которые не учатся, или которые, если и учатся, не успевают в этом, пусть они не отчаиваются, пусть не останавливаются; если есть люди, которые не спрашивают, для того чтобы просветиться, о вещах темных или о которых они не знают, люди необразованные, или если и спрашивают, то не могут сделаться более просвещенными, пусть они не отчаиваются; если есть люди, которые не размышляют, или которые, если и размышляют, но не приобретают ясного познания о сути блага, пусть они не отчаиваются; если есть люди, которые не отличают добра от зла или которые, если и отличают их, но не имеют, однако, ясного и определенного представления об этом, пусть они не отчаиваются; если есть люди, которые не проводят в жизнь добра или если проводят его,

но не могут для этого употребить всех своих усилий, пусть они не отчаиваются, их черед еще придет».

И, наконец, Конисси переводит с китайского на русский еще иначе, хотя и ближе к английскому переводу. Например; «Точно также необходимо изучить то, чего мы не знаем. Хотя для этого нужно много трудиться, но это неизбежно»... и т. д. в этом же роде.

[^^^]

Иллюстрация к главе XXVII.

[^^^]